

Протопресвитер Александр Шмеман: Можно ли верить, будучи цивилизованным?

Проповедь

Вы выбрали сегодняшнюю тему в виде вопроса: "Можно ли верить в Бога, будучи цивилизованным человеком?" И сделали это не без иронии. Я понимаю, что у вас был текст Достоевского, но даже если Достоевский сформулировал этот вопрос, то все равно в наши дни он звучит, во всяком случае для меня, иронически. Ибо есть нечто смешное, наивное, отдающее базаровскими лягушками в этом столько лет всплывающем на поверхность вопросе: "Можно ли верить в Бога?" И еще, может быть, более смешное и даже жалкое есть в попытках серьезно и объективно на этот вопрос ответить.

Недавно я прочел вышедшую книгу, в которой около двадцати чрезвычайно цивилизованных ученых - биологов, генетиков, психологов, социологов и так далее, многие из которых Нобелевские лауреаты, объясняют свой атеизм. "Есть ли Бог?" - "Нет!" - отвечают они и объясняют это чрезвычайно цивилизованно. Совершенно очевидно, что если бы даже по какой-нибудь случайности они здесь сегодня сидели, то вряд ли эти цивилизованные люди моментально сдались бы и сказали: "Можно, слава Богу, верить в Бога, и, мол, за это - мерси, вопрос решен". Обычно верующие доказывают верующим, что можно верить в Бога, будучи цивилизованным, а неверующие доказывают неверующим, что нельзя верить в Бога, будучи цивилизованным, и такова судьба наших так называемых диалогов. Однако можно было бы издать, и, кажется, вскоре будет издана книга на эту тему, в которой столько же физиков, биологов, генетиков, психологов, социологов отвечают на этот вопрос утвердительно: "Можно верить в Бога", так что каждый останется на своих позициях, причем не забудьте, что и те, и другие знают аргументацию обратной стороны и не убеждаются ею. Поэтому, мне кажется, что речь идет о чем-то другом, более глубоком. О чем же? Я думаю, что речь идет или, может быть, должна идти не столько о противополжении цивилизации и религии, это была в сущности тема XIX в., а о противополжении веры и неверия внутри нашей цивилизации, которое, по моему убеждению, является специфической и, может быть, самой глубокой, самой знаменательной ее чертой. В том-то все и дело, что Нобелевские лауреаты делятся, так сказать, поровну - на одного неверующего генетика всегда можно найти верующего генетика. Вообще все респектабельно. И вера респектабельна. А наши старые лагеря и траншеи - наука, с одной стороны, и вера и религия - с другой, мне кажется, больше не существуют в чистом виде, как существовали они всего несколько десятилетий назад. Я бы сказал даже, хотя мы все знаем о страшных гонениях на религию в некоторых частях нашего мира, в сущности и борьбы настоящей больше нет; борьбу с религией, как, например, в Советском Союзе, нельзя считать научно серьезной, это полицейское предприятие, и от такого типа борьбы тошнит даже цивилизованных западных коммунистов. Напротив, если чем-нибудь на глубине наша современная цивилизация характеризуется в этом плане, то, мне кажется, некоторой предельной вежливостью. Все мы помним, как почти на руках носили Тейяра де Шардена всякие неверующие ученые, а Ватикан даже основал особый секретариат для диалога с неверующими. И очень характерно, что почти ни один из корифеев от атеизма из упомянутой мною книги не выводит прямо своего неверия, своего атеизма из науки, - нет, все они очень далеки от недавнего триумфального "Наука доказала, что Бога нет!" Это твердит еще советская пропаганда, а на Западе не принято так грубо говорить, и многие из этих ученых признают возможность наличия какой-то непонятной для них "тайны в космосе". Мне кажется

еще более знаменательным, что почти таким же смиренно-елейно-вежливым тоном говорят и верующие в наши дни. Если цивилизованный атеист почти сожалеет о своем неверии, то верующий тоже как бы извиняется за свою веру, и нет у него более страстного желания или стремления, чем сделать ее более безобидной и приемлемой для своего неверующего коллеги. Не будет большим преувеличением сказать, что в нашей цивилизации, и я считаю это крайне примечательным в ней и, может быть, самым примечательным, неверие и вера все менее и менее отличаются друг от друга. На высотах нашей цивилизации они уже, в сущности, согласились, что у них одна и та же цель, и, как это ни странно, одни и те же способы достижения этой цели. Вы, конечно, все знаете цель... Цель эта - счастье человечества на земле, как его ни понимать. О методах же спорят. В этих спорах участвуют верующие и неверующие с одинаковым энтузиазмом и восторгом. Поэтому, как теперь говорят, все "люди доброй воли", верующие и неверующие, могут работать одной дружной и счастливой семьей. Таков консенсус нашей цивилизации. Но этот консенсус и должен быть, по моему глубочайшему убеждению, предметом оценки и обсуждения со стороны нас, верующих, если таковыми мы дерзаем себя называть. Ибо настоящий вопрос не в том, совсем не в том, можно ли верить в Бога, будучи цивилизованным, поскольку наша цивилизация отвечает: "Можно, сколько угодно можно, верьте себе на здоровье", - а в том, во что, собственно, превращается, во что уже превратилась эта вера внутри нашей цивилизации, о том, какую цену мы заплатили, сами того не сознавая, за то, чтобы верить в Бога, будучи цивилизованными? Взлетов, удач, потрясающих достижений цивилизации оспаривать не приходится, и я уверен, что почти никто из нас, сидящих здесь, если он в здравом уме и твердой памяти, не захотел бы вернуться даже в самое романтизированное средневековье. Но если говорить с религиозной точки зрения, вряд ли можно оспаривать то, что постоянной доминантой в истории нашей современной цивилизации, отличительным ее свойством было с самого начала систематическое возвеличивание человека, - парадоксально, путем систематического умаления, урезывания самого понимания человека, интуиции его природы, призвания и замысла. В этом - специфический парадокс нашей цивилизации. С одной стороны, наш мир более, чем какой-нибудь другой мир, предшествовавший ему, можно назвать антропоцентрическим. С другой стороны, этот окончательно оказавшийся в центре человек - явление очень небольшого калибра. Попробую пояснить эту мысль. Почти все цивилизации, предшествовавшие нашей, в сущности, смотрели вверх - на высшее, горнее и идеальное. И в этом высшем, горнем и идеальном видели меру и объяснение всего: мира, человека, жизни. Спор всегда шел только о том, как понимать это горнее и как жить им. Это могли быть очень горячие споры, но споры внутри того же смотрения вверх. Поэтому, несмотря на всю глубочайшую разницу между Афинами и Иерусалимом, между Библией и Элладой, христианство все же смогло в так называемый "отеческий век", век святых отцов, воплотить и выразить себя на языке, в категориях и формах эллинизма, создать христианский эллинизм. Поэтому, несмотря на радикальное отвержение язычества и языческой священности, Церковь смогла в час победы над язычеством выразить свою веру, свою надежду и свою любовь в символах дохристианской священности. И именно на этой почве, на этом общем устремлении вверх выросла та христианская цивилизация, которую сегодня принято развенчивать и обвинять во всех смертных грехах, от которой принято отречься, как от чего-то постыдного и изжитого, и которую, по всей вероятности, так ненавидят сегодня за то, что в самом сердце ее, как бы мы ее ни анализировали, как бы не сводили к тому или иному принципу, сияет высокий, такой неизреченной красоты и глубины образ человека - человека, пронизанного божественным Светом. Для меня нет сомнения в том, что отречением от этого образа неизреченной Славы началась наша, пока что последняя по счету цивилизация. Началась с того, что в богословской аналогии следовало бы назвать вторым грехопадением. Христианское богословие открыло нам, что человек пал потому, что хотел стать как Бог, но без Бога, что он хотел удовлетвориться своей человечностью, а это значит урезать и ограничить в самом себе свою жажду абсолютного. Уже тогда, в раю, змей нашептал ему слова: "Человек есть мера всех вещей". Уже

тогда, в раю, змей внушил ему, что смирение, в котором больше, чем в чем бы то ни было, раскрывается божественность человека, - это рабство, а вот гордость маленького человека - это свобода и царство. И по аналогии с этим первым грехопадением я говорю и о втором грехопадении, более страшном, ибо это второе грехопадение, этот отказ от образа неизреченной Славы, произошел после того, как Христос просиял в мире, уже после того, как раздались все слова, все молитвы, все гимны о подлинном небесном призвании человека. Поль Азар в своей "Истории европейской мысли" хорошо показал, как именно с этого умаления, урезывания образа, призвания, жажды человека началось становление нового мира. У него есть замечательная глава, которая называется "Процесс христианства". Оказывается, процесс этот был связан не с тем, что наука что-то доказывает, но с отказом от христианского максимализма, сведением его к "простому счастью", "простому разуму", с отказом от свойственной христианской культуре жажды трансцендирования всего. "Не будем искать того, чего искать невозможно, подальше от того, что звучало в мире, как соблазн для иудеев, а для эллинов - как безумие. Главное отрезать все то, что беспокоит человека, что зовет вверх - туда, куда ему совсем не хочется идти", ибо твари вверх идти не хочется. Для этого нужно, чтобы в ней воссияло свертварное и увлекло ее вверх. Таково свойство нашей цивилизации при всех ее потрясающих удачах - согласие с самого начала не смотреть выше определенного уровня, а по возможности смотреть вниз. Заметьте, что так это никто не называет, все думают, что они вверх смотрят, луна-то наверху. Поэтому многим кажется, что идя на луну, мы идем вверх, но это еще требует доказательств, что луна наверху, и что то, что находит на ней человек, есть обязательно высшее, а не то же самое, что мы находим в самом низу. Но, конечно, осталась и сквозь все развитие нашей цивилизации все время звучала великая тоска. Нельзя так просто отказаться от того замысла, что дан был человеку. Может быть, вся глубина, вся острота и вся единственность этой уникальной культуры XIX в. в том, что она пронизана тоской и светом, которые в ней остались. В этом ее единственность, она уже не христианская культура, но еще и не нехристианская, она вся в этой памяти какого-то небывалого видения, которое появилось в мире, которое приходится развенчивать и уступать, потому что оно оказалось иллюзорным, но без которого жить стало в этом мире страшно скучно. Повторяю, в этом, может быть, единственное значение великой культуры XIX в., распадающейся и разлагающейся на наших глазах. В ней была цельность тоски, цельность памяти, если не устремления, цельность этого знания о чуде при неверии в него. Теперь мы можем вернуться к вопросу: "Может ли верить цивилизованный человек?" Да, может, и очень часто верит. Не надо думать, что неверие нарастает в нашу эпоху, это было бы, может быть, легче. Гораздо опаснее развитие внутри цивилизации, я бы не сказал - псевдоверы, скорее - маловерия. Он верит, но его нужно спросить, во что он верит? В кого он верит? Для чего он верит? Чем его христианство отличается от того, что и во всех религиях без исключения находил человек? Чтобы найти это, совсем не нужно христианство. Всякое почтенное язычество вполне хорошо удовлетворило бы нужду человека кому-то помолиться, кому-то поведать свою печаль, от кого-то получить убеждение, что жизнь имеет какую-то опору где-то. В конце концов, в какой-нибудь деревне, куда приезжал христианский епископ в IV в., давно уже люди верили в бога. Но эту веру надо было наполнить новым содержанием. И вот, спустя две тысячи лет, мы спрашиваем себя: "Да наполнилась ли эта вера новым содержанием?" Не вернулись ли мы, верующие, в этой цивилизации, очень гордой цивилизации, не вернулись ли мы к принципиальному минимализму? Мы бы хотели, чтобы нам дали право верить, и нам дают его, не всюду, но кое-где дают строить церкви и продолжать свою маленькую религиозную жизнь, не замечая никаких бурь и тревог, царящих в мире. Мы, православные, часто любим на экуменических съездах говорить: "Православие - это преображение мира и жизни", а на самом деле все ограничивается приходским чаем. Преображение жизни используется для экспорта, этим хорошо непреображенного протестанта по голове тыпнуть. Ведь Христос пришел для того, чтобы создать внутри этого мира, в этой зоне, на этой земле очаг, на котором бы Его огонь никогда не погас, но всегда опалял. Как мы читаем в молитве перед причастием: "Попали

невещественным огнем грехи моя, и насытитися еже в Тебе наслаждения сподоби, да ликуя возвеличаю два пришествия Твоя". Красиво по-славянски молимся, вдумаемся - о чем! "Да ликуя возвеличаю два пришествия Твоя", чтобы сделать этот мир не уголком тихого и благополучного жития, а ареной борьбы, последним театром, в котором сжигается это тварное "ничто", и человек наполняется божественным Светом и восходит в Царство Небесное. Если богословы об этом и говорят в очень "гладких" книгах, то в церковной жизни Востока и Запада это почти выветрилось, это не составляет двигателя церковной жизни. Недавно в конфликте, который произошел в России из-за одного письма, все сразу возопили, что от всего надо охранять церковь. И церковь может стать идолом, и для охраны церкви можно предать огонь христианский. Когда начинают жить земными идеалами и их называют небесными и христианскими, то небо, которое мы должны были воочию являть в наших земных цивилизациях, кажется очень маленьким и даже не очень нужным. Тогда понимаешь этого цивилизованного человека, который такой веры, собственно, и не хочет. Она ему совсем не нужна. Цивилизация спустилась вниз, и встречаются вера и неверие на каком-то низком уровне, и там даже готовы примириться и друг другу больше не мешать, установить общий календарь, общий порядок. Что нам сделать? Мы сделаем то-то и то-то... Мы освободим какую-то страну где-нибудь... Потом мы добьемся того, что все на земле будут сыты. Но только никогда не спрашивайте, для чего это нужно в конечном итоге, куда все это идет, где всему этому конец. Тут мы "экуменически" договорились не тревожить друг друга. Не будем тревожить неверующего каким-то "неотмирным" Царством Божиим, не будем тревожить верующего тем же Царством Божиим, вообще не будем никого тревожить. А тут мы спрашиваем: "Может ли верить цивилизованный человек?" Но, может, не стоит ему верить? Зачем ему советовать какие-то вещи? И наоборот, в этой цивилизации, в конечном итоге, мы находим такое разложение человечности, что, может быть, и не стоит стремиться к тому, чтобы верующий стал цивилизованным? В этой деструктивной части моего доклада я хотел показать, что эти старые, от XIX в. унаследованные категории в общем не применимы к нашей теперешней ситуации. Речь идет о том, чтобы, во-первых, прочесть изнутри цивилизацию, понять, что в ней совершается; во-вторых, чтобы почувствовать снова, понять снова, если еще не сердцем, то хотя бы умом, что последние две тысячи лет означает или должно было бы означать - верить, ибо совсем не всякая вера хороша, совсем не все, что религиозно, обязательно хорошо. Надо почувствовать, что произвело христианство, какой замысел дало оно цивилизации тем, что обновило и изменило глубочайшим образом изнутри понятие веры. И поэтому надо ставить вопрос сегодня: как веришь, во что веришь? Я бы назвал содержание подлинной веры, ради Бога не поймите меня неправильно, Православием. Я имею в виду не сумму тех эмпирических явлений, черт, которые составляют Православие. Лично я считаю, что православная церковь глубочайшим образом больна на всех уровнях своей жизни. Всякий православный триумфализм мне абсолютно чужд. Недавно мы переживали Страстную и Пасху, когда поется: "Да молчит всякая плоть человеческая, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет". В эти дни Сам Бог и Человек во Христе, сама тварь, в таинстве Воплощения, Воскресения и Пятидесятницы прославленная, входят в нас. Нужно, чтобы снова засиял этот высокий замысел, чтобы снова человек не книжно, а всей своей жизнью, всей своей радостью сказал: "Вот призвание человека в мире - богообщение, радость, мир и праведность в Духе Святом". Это и только это составляет смысл и глубину человеческой жизни. Такой веры и ищет, в сущности, современный человек. Это цивилизация не могла забыть, из какого источника она выросла. Даже в ее отречении есть какой-то суд над той половинчатой верой, которую мы, верующие, представляем в мире. Не будем слушать тех мрачных христианских апокалиптиков, которые зовут нас в несуществующие пустыни и высчитывают дату второго пришествия Христа. Не будем идти за теми, которые предлагают красить внешность Церкви в цвета этого мира. Какой сейчас цвет, зеленый? - В зеленый крась! Красненький? - В красненький покрасим! Очень может быть, что за этой волной модернизма, которая сейчас разливается в мире, очень скоро придет новая мода, мода консерватизма.

Поэтому надо идти не к будущему и не к прошлому, ибо в том, что было, интересно только одно: "И Слово плоть бысть", а в том, что будет, интересно только одно: "И паки грядущаго со славою, судити живым и мертвым". Все остальное между этим прошлым и будущим, в сущности говоря, - тот образ мира, который проходит. Но если углубить нашу веру, то мы волей-неволей снова сослужим ту службу, которую только и может сослужить вера цивилизации - надстроить этот недостающий этаж - "горе' имеем сердца", которого сейчас так не достает. Человечество после христианства уже не может удовлетвориться никакой законченной цивилизацией, никакой "системой ценностей", ибо теперь она разлагается уже не снизу, а сверху. И мы, христиане, должны были стоять у этого входа в небо, ибо так и апостол называет нас: "Братья и святые, участники в небесном звании". Вот определение верующего человека - "участник в небесном звании"! Несколькими сильными словами о. Александр задел сторонников "охранительного православия", и ему был поставлен вопрос, как относиться к церковной старине? Ответ: Хотя я и очень люблю старину, но никогда не мог принять категорию старины в качестве абсолютной принадлежности религии. В религии важна не старина, а истина. То, что было истиной вчера, то истина сегодня, то будет истиной завтра. Мы никогда не должны быть Иванами, не помнящими родства своего; всякое разрушение традиции, всякие легкие от нее отходы, всякое отречение от нее есть всегда признак духовного заболевания нации и человека. У нас в Америке вышла книга "Вера наших отцов", где предлагается хранить веру отцов. Ну, а если вера отцов была неправильной верой? Так хранить ее? Храните иудаизм, если вы иудей; храните атеизм, если вы безбожник. На старину также направлена вера судьящая, "различающая духов". Культ руин и развалин очень недавно появился - с романтизма, с христианской точки зрения, явления еретического. Человечество раньше не жило развалинами. Всегда, когда люди начинают жить развалинами, - это признак разваливаемости их самих. Поэтому я предлагаю не обзывать что-либо новшеством, а вникать, хорошо ли это, правильно ли это, соответствует ли это истине, нужно ли это нам, и так же относиться к старине. Христианство всегда направлено не на хронологию, а на сущность вещей. Иногда мы о чем-нибудь думаем, что это древнее церковное предание, а оно возникло в XIX в., а какой-нибудь модернизм может быть апостольским преданием. Поэтому нам нужны сейчас не эти крайние позиции, а кафоличность, цельность, полнота Церкви. Далее о. Александру был сделан упрек, что он недостаточно сказал о том, что же есть "единое на потребу", и попросили его ответить. Ответ: Почему мы не сделали съезд на эту тему, я бы целый доклад прочитал? Я надеялся, что все это знают, а если не знают, то надо начинать все сначала. В Евангелии на это дан абсолютно ясный ответ: "Ищите прежде Царствия Божия, и остальное приложится вам". Вот, что есть "единое на потребу". Может возникнуть вопрос, что есть Царство Божие, и меня всегда удивляет, до какой степени мы мало на эту тему думаем. Царство Божие есть, конечно, то, для чего создан мир, то, для чего создан каждый человек, то, для чего существуют все культуры, все цивилизации. Это есть та полнота, которой Бог наполняет все во всем, когда Он действительно воцаряется окончательно в Своем творении. Это есть "единое на потребу". Теперь можно делать ударение на спасении. Человек имеет высокое предназначение. Наше современное христианство очень мало думает о спасении, очень много - об общественной помощи. Именно потому Царство Божие приходит к нам как спасение, что человек отказался от Царства Божия. Ушел от Него, отрекся, забыл о Нем, и поэтому спасение является нам в лице Иисуса Христа, Который нам открывает, что Царство Божие прежде всего в Нем Самом. Он - совершенный Бог в Человеке, совершенный Человек в Боге и "полнота Наполняющего все во всем". Царство Божие есть знание Бога, знание Истины, общение с Богом, радость о Боге, совершенное исполнение всего того, что в нас заложено Богом в даре жизни. Вот что есть "единое на потребу". Теперь - почему называется "единое на потребу"? В этом мире Царство Божие заслонено тысячами разных идолов, разных вторичных ценностей, разных соблазнов, а Христос пришел именно для того, чтобы нам открыть главное, вокруг чего все остальное становится на свои места. Поэтому действительно нельзя в нашей жизни к этому "единому на потребу" обратиться, не отрекшись от многого, что его заслоняет, как отрицательного, так,

очень часто, и положительного, но ставшего идолом. Ничего в этом мире без аскезы сделать нельзя. Царство Божие усилием берется. Потому оно и нудится, что человек пал. Нам легче лежать, чем сидеть; сидеть, чем стоять. Я в прошлом году на этом же самом месте говорил о том, что крест - это не только вера в Голгофский крест, но то, что вошло в нашу жизнь как постоянное, ежеминутное распятие наших природных желаний, природных оценок, это тот предел, перед которым мы все время стоим

Митрополит Сурожский Антоний (Блум): О чудесах

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Раз за разом мы читаем в Евангелии и в Ветхом завете о чудесах и, поистине, можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди - все мы - задаем себе вопрос: что такое чудо? Неужели в момент чуда Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет! Если бы было так, то это было бы магическое действие, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен. Чудо - нечто совершенно иное; чудо - это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира ее своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно быть всегда: «чудо» не есть что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, Он может действовать в Своем творении свободно, державно. Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Мать Божия обратилась к Христу на убогом сельском празднике, сказала Ему: «У них вино кончилось!...». Сердца людей все еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: «Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне это говоришь?». Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: «Ч т о бы Он ни сказал-то сделайте...». Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры; Она неограниченно верит в Его мудрость, в Его любовь, в Его Божественность. И в это мгновение, потому что вера одного человека распахнула дверь, и для всякого, кто выполнит, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было невозможно, становится реальностью. И здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть незатейливая, но она должна быть подлинная. И радость, и горе, и болезнь, и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же просторное и глубокое, как божественная Любовь и божественная Гармония. Должна быть также беспомощность; пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даем пути Богу. Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: «Когда мы в нужде, мы должны передать все попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы спасти Свою честь...». Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока говорим: «Я сам,- Ты только немножко помоги», - мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения. И следующее - это божественное Сострадание, о котором мы часто слышим в Евангелии: «Милосердова Христос...» Христос сострадает, Христос жалеет, и

это значит, что Он посмотрел на этих людей, которые в нужде, которые ничем не могут облегчить свою нужду, и испытал боль в Своем божественном Сердце о том, что вот люди, чья жизнь должна быть полной и торжествующей радостью, – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда – болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество – что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью, или распинающей болью. И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражена во всем: и в великом, и в малом. Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица; или, если мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: «Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою любовь еще больше, чем я знаю свое достоинство, и вот, я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас Его ради того, чтобы я был спасен». Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием и вручением Богу наших нужд: нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости – нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И всегда Бог ответит, что если хоть немножко можешь поверить, то все возможно. Аминь.

17 августа 1986 г.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей (14-24 февраля 1991 г.)

Проповедь

Первая паримия (Исх 13: 1-3, 10-12, 14-16; Лев 12: 1-4, 6, 8)

14 февраля СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕСлово на вечерне

Мы слышали первую паримию праздника, и вы, слушая ее, наверное, многому удивлялись. Сколь много важного для нашей современной жизни уже не существует, а то, что могло и должно было исторически уйти, то иногда сохраняется. Поэтому, хотя бы вкратце, нужно разъяснить прочитанное. Мы слышали рассказ о том, что Господь заповедует освящать первенцев, отделять их Ему, и потом выкупать их. Будем же знать и мы, что все первенцы – от человека до скота – принадлежат Богу. И человеку следовало выкупать их у Бога, как бы заменяя их агнцем, небольшой жертвой ягненка. В то время этот обряд совершался в воспоминание о том, что произошло при исходе народа Божьего из Египта. Мы слышали также, что если человек был недостаточно богат или просто беден, то он мог заменить ягненка двумя горлицами, двумя голубицами. Здесь мы, конечно, вспоминаем известный рассказ из Евангелия о том, что же произошло в тот сороковой день – точно по закону, о котором мы сейчас читали, – когда Иисус был принесен в храм. За Него также была дана жертва – и даже не агнец, а всего две горлицы. Через это Сам Господь показывает нам Свою законопослушность – в ту меру, в какую она не противоречит Свободе и благодати, находящейся в Нем. Поэтому-то Он в восьмой день терпит обрезание, а в сороковой его выкупают у Бога. Как следует

подумайте о том, что это значит! Первенцы должны были быть освящены. Освятиться – это и значит отделиться от всего того, что находится в мире сем, и предаться Богу. И ныне каждый человек в святом народе Божиим, как первенец, должен быть предан Богу всецело. Хотелось бы упомянуть еще об одном моменте из сегодняшнего паримийного чтения Закона. Здесь он особого значения не имеет, но в нашей православной жизни он почему-то распространился. Речь идет о том, что женщина после рождения ребенка сорок дней считается нечистой и должна находиться в очищении. Именно это сохранилось в сознании многих современных христиан, хотя совершенно очевидно, что понятие чистоты и нечистоты в Ветхом и Новом заветах принципиально различно, как и понятие святости. Ибо чистота и святость – это одно и то же, это синонимы. Чистота Ветхого завета – ритуальная, чистота Нового завета, святость Нового завета, зависит исключительно от того, кому всецело отдано сердце человека. И покуда оно отдано Богу, человек свят, человек чист. Не будем же этого забывать. А у нас до сих пор часто путают ветхозаветную святость и новозаветную, ветхозаветную чистоту и новозаветную. Не будем же этого делать. Итак, все первенцы, в том числе и Иисус, отъединяются и освящаются, предаваясь Богу, и поэтому за них должна приноситься искупительная законная жертва. Аминь.

Оливье Клеман: Личность по учению русских философов XIX - XX вв.

Богословие и философия

ЛЕКЦИЯ 3

Сегодня я хотел бы поговорить о теме личности в русской философии XIX - XX вв. Тема личности начинает раскрываться в евангельском откровении, затем она получает богословское определение в трудах отцов IV в., правда, в основном в плане Божественного Существования, но еще не в совсем ясной форме относительно человеческого существования. И именно русским философам XIX - XX вв. принадлежит честь начала раскрытия темы личности в плане человеческого существования. Разработка этого вопроса, на мой взгляд, объясняется слиянием двух течений, и оба эти течения связаны с Западом и западными исследованиями, которые привели к чисто восточно-православному решению. С одной стороны, это то, что можно назвать экуменическим вызовом, и отсюда – необходимость для Православия найти свое место по отношению к западным конфессиям. И с другой стороны, это вызов принижающей личность современности. В конце концов, в первой половине нашего столетия образовался некий синтез этих тем. В XIX в. западные конфессии дважды пережили сотрясения: после войн Наполеона и после I Ватиканского собора. После наполеоновских войн возник так называемый Священный Союз, и под покровительством Русской церкви появился некий род экуменизма, ощущавший сильную поддержку государства. И в этом можно было увидеть некоторую неустойчивость: в мистике белого масонства, философии немецкого романтизма, распространении произведений Новалиса, Сен-Мартена и Сведенборга. Это также позволило проникнуть в Россию Библейскому английскому обществу, где и был вскоре создан его русский филиал. С 1814 по 1824 г. было издано 700 тыс. экземпляров Библии на русском (не на церковно-славянском) языке. И по этой причине в церкви было довольно много разногласий. Но позже церковь докончит свой перевод Библии и осознает необходимость основательного истолкования Писания, т. е. церковь возвратится к великой традиции отцов. Еще был ряд событий, так или иначе связанных с I Ватиканским собором. В 1847 г. Ватиканом был брошен вызов Востоку и восточным патриархам, на который ими был дан ответ. Потом была гневная реакция на догмат 1870 г. и собеседования со старокатоликами. Все это заставляло отдать должное Православию.

Ответ был дан в двух направлениях: с одной стороны, это мощное возрождение исихазма, с другой, – взлет академического богословия. Возрождение исихазма начинается в конце XVIII в. в Молдавии, где прп. старец Паисий Величковский дал приют русским монахам и перевел с греческого на славянский «Добротолюбие». Этот перевод «Добротолюбия» был издан в Санкт-Петербурге в 1803 г. Во второй половине XIX в. был сделан перевод и на русский язык. Духовность «Добротолюбия» распространяется по всей России, она соединяется с локальным возрождением монашества, которое уже началось в России. Это особенно ярко заметно на примере жизни преп. Серафима Саровского. Духовное харизматическое старчество начинает развиваться в Оптиной пустыни. Это духовность одновременно и традиционная, и открытая к современности. Таким образом, она привлекает к себе не только простой народ, но и писателей, мыслителей, философов. Как раз в это время начинают переводиться труды отцов церкви, так как это возрождение питалось мыслями отцов. Происходит переворот в диалектике «хозяин – раб» откровением божественного Отцовства как Отцовства таинственного и освобождающего, чему свидетель – старец, который является духовным отцом. Одновременно наблюдается подъем академических трудов по богословию, которые дополняют направление «Добротолюбия» чисто научными исследованиями на очень высоком уровне таким образом, что Россия к 1900 г. обладает наиболее богатой патристической библиотекой на русском языке. На слиянии этой обновленной духовности и большой богословско-исторической работы появились труды, в которых интуитивные предчувствия отцов начали проясняться на уровне антропологии. В первой половине прошлого столетия были написаны работы митрополита Московского Филарета и славянофилов. Митрополит Филарет выступает против беспочвенной духовности Священного Союза, опираясь на отеческие традиции и особенно на св. Григория Назианзина. Он подчеркивает, что человек – это образ Бога, Бога Единого и в Трех Лицах, и говорит о том, что человеческое существо имеет такую структуру, которую можно назвать взаимосотносящейся или церковной. Эта тема была развита великими славянофильскими философами, называвшими себя просто православными: И.Киреевским и А.Хомяковым. Они оба разрабатывали тему свободы и любви – любви, которая создает истинное содержание свободы и основывает истинную свободу. Иван Киреевский, создавая концепцию исихастского опыта, определил познание как акт жизни и причастности, как соединение всех человеческих способностей в вере. Он писал, что философская мысль прежде всего зависит от той концепции Троицы, которой мы придерживаемся. В Церкви закон падшего мира, закон рабства, заменяется новым законом – законом свободы через освящение всего человечества в целом, в том числе и человеческого рассудка. В падшем мире каждый живет смертью другого человека; в мире благодати каждый живет жизнью других. Благодать служит жизни всех и несет в себе все вселенское человечество. Алексей Хомяков понимал главным образом Церковь как свободную общность, соборность. «Церковь – это организм истины и любви», – говорил он. И он пытался найти место Православию по отношению к Католицизму и Протестантизму, говоря, что Православие – это ни свобода без единства, т. е. Протестантизм, ни единство без свободы, т. е. Католицизм, но их синтез, показывающий святость всего тела Церкви в целом. Таким образом, личность появляется как «я» и «мы» вместе, как единство и свобода. Можно сказать, что в философии этих двух славянофилов есть два искушения, два риска. С одной стороны, это религиозный национализм, т. е. смешение понятий «народа Божия» и «народа России», и с другой стороны, система, которую можно назвать «организмизм», или отражение биологического организма. И это мешало видеть абсолютный характер каждой личности. Причастие имело тенденцию стать как бы формой слияния в едином организме, в котором каждый – лишь частица. То же можно сказать и о всех философах-организмистах того времени в Европе, будь они правые или левые. В начале нашего века князь Сергей Трубецкой, профессор философии Московского университета, продолжая развивать мысли славянофилов, определил природу личностного сознания как коллегиальную, соборную или общую. «Объектом познания никогда не может быть изолированный индивид», – говорил он. В этом чувствуется, как и у славянофилов, сильный протест против западноевропейского

индивидуализма. Но объект познания – это личность как личность соборная. Теперь это не то «я», закрытое в самом себе, но это «я», освобождающееся от своих индивидуальных ограничений, чтобы соединиться с «мы» еkkлезиальным, церковным. И князь С.Трубецкой пишет: «Тот, кто ищет истину, должен находиться внутри своего духа, присутствуя в собрании». Другим вызовом современности был вызов, унижающий значение бесконечности личности. И сейчас мне хотелось бы вспомнить великого писателя, которого можно назвать одновременно безбожным и пророческим. Это – Достоевский. Над верой Достоевского часто смеялись, но в своем «Дневнике» он отвечает: «Эти кретины даже не могут мечтать о таком сильном отрицании Бога; они не понимают, что в Европе никогда не было и не будет таких сильных атеистических аргументов, как в моих романах. Но моя Осанна, мое восхваление Господа прошло через большое горнило сомнений». Можно сказать, что Бог Достоевского присутствует Своим собственным отсутствием; и это парадоксально. Это мир, окруженный отрицанием, проникающий в нас через трещины души. Нам знакомо выражение Ницше «Бог умер», меньше мы знакомы с отрывком из «Дневника писателя», в котором Достоевский говорит: «Солнце закатилось. Посмотрите на него. Не скажете ли Вы, что оно умерло? Все умерло, нет ничего, что бы не умерло. Человек одинок, вокруг него все сплошная тьма. Вот что такое земля». И один из героев «Подростка» говорит, что все исчезнет, не оставив ни следа, ни воспоминания. Итак, человек ищет способ забыться. Забыть – это такое рациональное и эйфорическое существование, о котором говорит Великий Инквизитор. Тот, кто знает тайну, что есть ничто, отрицание всего, тот получает освобождение от тревоги, от осознания своей вины для того, чтобы погрузиться в удовольствия. Можно забыться, принимая наркотики, дающие своеобразный экстаз. В романе «Бесы» подобный опыт переживает Кириллов. Так же можно забыться в этаким садизме, который виден на примере Ставрогина. Но Достоевский ставит свой диагноз: невозможно забыться. Человек – это такая проблема, о которой невозможно заставить замолчать. Кириллов хочет преобразовать себя, но кончает самоубийством. Шестов, вестник националистической идеологии, понимает, что лжет; и поэтому он убит. Великий Инквизитор, которого можно назвать отцом тоталитаризма, – живой мертвец. Все они, сверхлюди, наподобие героев Ницше, – Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов – заявили, что новому человеку позволительно стать богом, а для бога не существует закона. Но, таким образом, они лишь все разрушают, включая и самих себя. Они становятся раскольниками (отсюда и фамилия Раскольникова), как бы разрубленными на множество кусочков; и повсюду их преследует дьявольский двойник. По этому поводу о. Сергей Булгаков писал: «Это такое нервное возбуждение, как будто я нахожусь в клетке, окруженный со всех сторон зеркалами». В сне Версилова в романе «Подросток» люди становятся сиротами; они хотят стать сиротами, но не могут заглушить горя своего сердца; они раскаиваются друг перед другом и перед природой... И тогда, в конце этого сна, появляется Христос и говорит: «Как могли вы забыть Меня?» В этом и состоит величие открытия, сделанного Достоевским: когда человек опускается еще ниже, чем отчаяние и тоска, то в самой глубине этого внутреннего ада он понимает, что нет этой бездны, этого «ничто», но есть Христос. И ужас, который мы тогда ощущаем, становится местом распятого Христа; все переворачивается. И когда Достоевский в Семипалатинске во время безрадостного разговора с атеистом услышал в своем сердце пасхальный перезвон колоколов, он закричал: «Бог существует! Бог существует!». Достоевский подчеркивает, что именно Христос основывает и зарождает свободу личности. Он отказывается открывать Себя человеку посредством чуда или авторитета. Он молчит перед Пилатом. Он молчит также перед Великим Инквизитором. Он не сходит со Своего Креста. Он воскресает в тайне. И только царственная свобода личности позволяет узнать в распятом Христе воскресшего Христа. Он призывает человека к свободе веры, любви, созидания. «Вместо ветхого строгого закона человек будет жить со свободным сердцем и будет распознавать добро и зло. И в этом он сможет руководствоваться Твоим Образом». И еще одна цитата о Христе: «Его глаза высвобождают силу, которая освещает все и будит любовь в сердце». В своем «Дневнике» Достоевский говорит о синтетической природе

Христа, о Его безграничной человечности, причастности ко всему. Каждый виновен за всех и за все. Но в этой причастности все дано и все прощено, в ней также освобождается таинственность космоса. Алеша целует землю в свете свободы в Кане Галилейской. И когда личность реализует себя, ее образ становится схожим с Зосимой, Тихоном и, несомненно, с Алешей. Личность освещает все только своим собственным присутствием. Вокруг нее, в ее лучах раскрывается созидающая, творческая духовность, направленная на преобразование культуры и общества. И свобода скрытного, подпольного человека становится криком восхищения Дмитрия Карамазова, приговоренного жить под землей, в самой глубине души: «Если Бога с земли изгонят, мы под землей Его сретим! И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн Богу, у Которого радость!». Достоевский открывает Бога как свободу и радость человека, а личность – это движение свободы и радости, это движение Воскресения. В конце XIX и в начале XX вв. как продолжение Достоевского возрождение русской духовности поставило акцент на личности не только в перспективе соборности, но и в ее непосредственной связи с трансцендентальным. Это было связано с гедоническим, позитивистским видением мира западноевропейских религиозных философов. Вл. Соловьев уже расставил акценты в том, что можно назвать ситуацией ограничения, т. е. ситуацией смерти, любви и красоты. В противоположность западной материалистической, позитивистской мысли некоторые философы уже стремились соединить Запад с духовностью. Например, Паскаль, Леон Блуа, великие скандинавские драматурги Ибсен и Стриндберг и, особенно, Ницше, которых русские философы преподавали в религиозной перспективе. Н.Бердяев говорил, что эту патетическую тему Ницше выразил трагично, страстно, но гениально. Он спрашивает, как возможны возвышенные чувства, героизм, экстаз, если Бога нет? Если бы Бог был убит? Таким образом становится очевидной не только смерть Бога, но и смерть человека. И появляется устрашающая фигура сверхчеловека. Можно сказать, что идея сверхчеловека в русской религиозной философии вела к мысли о преобразившемся человеке. Парадоксально, но это утверждение Ницше дало возможность возродиться уверенности свв. отцов в том, что Бог сделался человеком для того, чтобы человек мог сделаться Богом. Этот персонализм особенно уточнился по отношению к немецкой философии того времени: произошел переход от марксизма к идеализму и от идеализма – к Православию. Сейчас мне хотелось бы немного поговорить о критических марксистах, течения самого начала XX в. Струве, Булгаков, Бердяев, Франк, Новгородцев некоторое время (большее или меньшее) были критическими марксистами. Отказавшись от понятия суперструктуры, они стремились, как и марксисты, все объяснить. Они говорили, что существует инфраструктура как экономико-социальная реальность, а все остальное – красота, мораль, нравственность, религия – это суперструктура, и необходимо иметь интегральную диалектику, связывающую эти две структуры. Таким образом, они утверждали, что все исторические структуры и аспекты действуют друг на друга. Каким же образом достигается синтез? Он достигается в личности, в личностном и внутриличностном существовании. И они отрицали научность утверждения, что взаимоотношения между производителями – это единственное, что реально существует. Эта так называемая «философия контрабанды», и на уровне науки это плохая философия. Булгаков в своем сборнике, опубликованном в 1903 г. под названием «От марксизма к идеализму», подчеркивает, что невозможно построить политическую систему только на одной науке; невозможно служить добру, если мы не будем размышлять о самой природе добра, что истинное добро – это служение личности. Теперь мы приближаемся к великому синтезу XX в., будь это в философии России или в диаспоре русской эмиграции. Сначала поговорим о работах почти неизвестного в России В.Несмелова, потом немного о работах великих софиологов и в завершении – о более экзистенциальных трудах Н.А.Бердяева и глубоких философских рассуждениях В.Н.Лосского. Оба эти подхода объединяются в одном из произведений малоизвестного здесь Павла Евдокимова. Виктор Несмелов, умерший в 1920 г., был профессором-преподавателем в Казанской духовной академии. Он разработал настоящую христианскую антропологию, описанную в книге «Наука о человеке». Эта книга была написана

для неверующих. Несмелов писал, что человек хорошо знает, что он не есть какой-то предмет среди предметов этого мира. Человек понимает, что он превосходит все, что он – загадка, познаваемая с неутолимой жаждой. И если мы хотим познать человека, то мы должны быть открыты. Как ни парадоксально, но человек – это нечто открытое и в то же время некая тайна, и это – вопрос, загадка. Вопрос – открытость – тайна. Если хотите, это патристическая доктрина о человеке как образе Божиим, но как бы перевернутая, потому что целью Несмелова было донести все это до неверующих людей. Он предоставил этим людям пред-знание, пред-понимание тайны. Отцы Церкви, говоря о человеке, говорят о Боге. Несмелов, живя на пороге трагического времени, говорит о человеке, но это нельзя назвать гуманизмом. Говоря о человеке, он хочет показать, что человек открывается навстречу вечности. Несколько слов о великих софиологах – О.П.Флоренском и О.С.Булгакове. В целом софиология сильно отмечена немецким идеализмом, но в ней присутствует и глубоко русская тема. Это тема святой райской земли. Вы знаете, что слово «софиология» происходит от греческого «софия» – мудрость, премудрость. Что такое Премудрость Божия и премудрость творения? Софиологи пришли к необходимости углубить понятие личности. Флоренский посвятил этой теме четвертое письмо «Свет Истины» известного труда «Столп и утверждение Истины», который недавно был переиздан в России. Это довольно любопытная книга, это, конечно же, богословский труд, но я думаю, что сегодня можно не согласиться с таким названием. Она написана в форме писем к другу, которые каждый раз начинаются в довольно поэтической, немного ностальгической манере, и далее идет все очень интересно, кроме христологии – это проблема всех софиологов. Но сейчас мы об этом говорить не будем. Флоренский говорит о невозможности определить концепцию личности, о невозможности дать понятие личности тем фактом, что личность противопоставляется предмету, имеет отношение к понятию и, в то же время, она понимается. Но личность выходит за рамки любого понятия, потому что она превосходит это понятие. Здесь есть очень глубокое размышление о концепции, описании: любой предмет можно взять и ощутить его. И Флоренский говорит, что так нельзя взять личность, ее можно только любить, и она открывается только в любви, и эта любовь сама участвует в тринитарной любви. Приведу вам цитату: «Только тот может истинно любить, кто подходит к пониманию Бога – Бога Троицеуподобного. Если я не познаю Бога, если я не соединюсь в Причастии с Его Существом, значит, я Его не люблю. И наоборот, если я Его люблю и соединяюсь с Ним в Причастии, я Его познаю». И Флоренский возвращается к догмату, принятому на I Вселенском соборе, о том, что Сын единосущен Отцу – «омоусиус». И он говорит, что можно это применить к взаимоотношениям между человеческими личностями. Таким образом, христианский гуманизм – в «омоусиус», ибо все человеческие личности во Христе единосущны, тогда как нехристианский гуманизм утверждает, что все люди похожи. Несколько слов об О.С.Булгакове, умершем в Париже в 1944 г. Он также говорит о личности, вселенскости каждого человека по отношению ко всему человечеству. Для объяснения темы личности Булгаков ставит акцент на кенотическом и апофатическом характере личности. Кенотическое – от кеносис: это слово можно найти в Послании к Фессалоникийцам, там, где говорится о добровольном самоуничижении воплотившегося Бога. Но Булгаков идет дальше и говорит, что в Самой Троице есть некоторый образ радостного кеносиса. Каждое лицо Св. Троицы отдает Себя Другому Лицу. И это, очевидно, касается и человеческой личности во Христе. С другой стороны, он настаивает на апофатическом характере личности. Я хотел бы привести один не очень известный отрывок из книги Булгакова «Трагедия философии», которая никогда не издавалась на русском языке, а только на немецком: «Можно сказать, что »я" – это не существование, но над-, сверх-существование (когда Булгаков говорит «я» – это значит личность), потому что оно, «я», не существует в обычном смысле слова...". Я могу сказать, что эта чашка существует, эти часы, эта бумага существуют, но я не могу говорить о Вас в таком же смысле. И поэтому Булгаков говорит о том, что личность не существует в обычном понимании этого слова. Он пишет: «Слово »я" – это своего рода знак, который ведет нас к некой неизреченной, невообразимой пропасти. Это сумрак, в котором мы постоянно видим

мелькание крошечных отблесков света... Сравните это со взаимоотношениями с любимым человеком: это как маленькие проблески света, возникающие из темноты". Он говорит, что личность должна быть воспринимаема с антиномичной точки зрения, т. е. с позиций апофатического богословия. С одной стороны, она как бы не существует, ее нет, она не принадлежит этому миру, но в то же время это не ноль, не пустота. Она ускользает, уходит от всего, и в то же время она все окрашивает и освещает, она может отразиться и проявиться во всем. Этот отрывок напомнил мне место из книги одного великого швейцарского романиста: молодой человек приветствует любимую девушку, он говорит ей: «Приветствую тебя!». Это означает «приветствую все», ты выскальзываешь и становишься надо всем, и одновременно именно ты возвращаешь мне все, окрашенное новым и удивительным образом... Теперь несколько слов о Николае Бердяеве, умершем во Франции в 1948 г. Я его немного знал, это были конкретные деловые и незначительные отношения; его последняя опубликованная статья при жизни и моя первая статья появились в одном и том же издании. Не знаю, может быть, это знак? Но когда мне было 20 лет, то после прочтения одной книги Бердяева я сделал вывод: можно быть христианином. В философии Бердяева тема личности занимает одно из центральных мест. «Целый мир, – говорит он, – ничто рядом с человеческой личностью, по сравнению с тем единственным, уникальным, что есть в человеческом лице». Личность содержится в каждом человеке как зародыш и обещание; и иногда она пробивает брешь в темнице этого мира. Кроме того, она заставляет пробудиться в себе самой другую, новую реальность. Притом, что в этой пустоте зарождаются ужас, тревога, ностальгия, в ней же положительно открывается и надежда. Личность должна стать тем, кто она есть, на протяжении жизни, пройдя через собственные «смерти и воскресения», ибо, я процитирую, «ни один человек не может сказать, что он – личность в полном смысле этого слова». Человек должен стать личностью, проходя через творческие акты. И личность может это сделать, потому что она – свобода, которая создана Богом, а не как какой-нибудь предмет. Это миф, к которому обращается Бердяев потому, что «Бог, отдаляясь, позволяет возникнуть свободе». В творении есть образ отдаления Бога, чтобы нечто другое существовало в Его Свободе. И Бог пришел освободить эту свободу через Крест, через воздействие Святого Духа, когда эта свобода стала собственной рабыней. В той мере, в какой личность открывается самой себе, она ищет реализации своего бесконечного содержания. И чем больше она соединяется со всем в любви, тем больше открывается ее уникальность и неповторимость. Он всегда возвращается к одной и той же мысли, к тайне Троицы, Которая открывается во Христе; через Христа Дух соединяется с человеком. Это то, что Бердяев называл христологией человека. Он писал: «Личность далека от того, чтобы стать частицей вселенной, это вселенная – часть, некое измерение личности». Таким образом, человек двойствен, противоречив, близок к Богу и близок к животному, благороден и подл, свят и жесток, колеблется между божественно-человеческим и зверино-человеческим. Стать тем, кто мы есть, ответить на призыв Божий – это соединиться с собой, превосходя себя, будь то во внутренней борьбе в сердце монаха или в битве Создателя жизни и красоты. Кто говорит личность, тот говорит – битва, сопротивление, победа над тяжестью этого мира, триумф свободы. «Личность, – говорит Бердяев, – не имеет тела, она есть тело, форма которого выражает победу духа над хаосом естества». И поэтому необходимо соединить с христианством античный смысл красоты тела. Телесность как проявление духа в теле человека приводит к лицу. Лицо человека – это самое удивительное, что есть в космическом существовании, оно позволяет познать иной мир и проявиться в нем. И Бердяев, почти ничего не говоривший об иконе, вводит нас в ее смысл и значимость. То, что Бердяев так ярко описал в анализе страданий здешнего существования, Владимир Лосский показывает богословски ясно и строго: человек – это образ Троицы, человеческая личность метаонтологична, ее нельзя определять, концептуализировать. Лосский писал: «Человеческая личность не может быть выражена концепциями, понятиями; она бежит всех рациональных определений, всех человеческих описаний». Она что-то вроде выхода за пределы, т. е. в собственном смысле слова «экстаз». Экстаз – выход навстречу Богу,

Который в Свою очередь – экстаз, выход навстречу человеку. Экстаз – выход также навстречу ближнему. Личность пробуждается, открывается таким образом, чтобы сделать мир личностным. И Лосский подчеркивает, что когда мы говорим: « Это произведение Моцарта или это – Рембрандта», мы каждый раз находимся в личном мире, которому ничего подобного нет. И поэтому личность можно познать только через откровение. Это все тот же отрицающий подход, о котором говорил Булгаков. И здесь мне хотелось бы процитировать одну фразу Бердяева, которая очень хорошо показывает то, о чем я говорил: «Та личность, которая конкретно существует, существует не общими со всеми чертами, не тем фактом, что у нее два глаза, как у всех, но выражением своих глаз, тем выражением, которое нельзя найти ни у кого другого». Теперь немного о Павле Евдокимове, умершем в Париже в 1970 г. Он пытался соединить философии Н.Бердяева и В.Лосского, обобщить мысли религиозных философов, создать неопатристический синтез, отвечая тем самым на вопросы современного Запада. Он говорил о тревоге и ужасе атеизма, который иногда можно назвать очищением. Евдокимов настаивал на таинственной слабости Бога перед нашей свободой, на Его «безумной Любви», открывающейся в свободной любви человека. И если человек оставит Бога, то Христос никогда не оставит человека; всегда будет возможен крик разбойника как выражение веры, как выражение безумия, отвечающего на божественное безумие. Бог не «овеществляет» нашу свободу, но дает ей место и пространство. В этом как раз и заключается тайна Человека с Креста. И единственным ответом на процесс, начатый против Бога современным атеизмом, может быть тайна распятого Бога. Евдокимов подчеркивал, что человечество призвано участвовать в тринитарном существовании. В своей книге, посвященной иконе, Евдокимов писал: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Ин 17,21). Человек создан по образу Троицыного Бога. В Его природе Церковь как причастие записана как единственно возможная и высшая Истина. Все люди призваны объединиться вокруг одной и той же, единственной Чаши, подняться на уровень Божественного Сердца, принять участие в мессианской Трапезе и стать единым Христом и жертвенником Агнца." У Евдокимова была очень глубокая богословская шутка: он говорил, что Христос – это Великий Предтеча Святого Духа, а человек во Христе, пронизанный, пропитанный энергиями Святого Духа, становится творцом жизни (в высшем понимании творчества) и пребывает в святости, которая ничему не служит, ни для чего не приобщается, но которая все освящает, как и Бог, Который ни для чего не нужен, но Который все освящает. И теперь мы подошли к очень дорогой для Евдокимова теме – теме внутреннего монашества, тайны один на один с самим собой. Каждый крещеный находит в этом силу стать царем, священником и пророком: царем – потому что он будет духовно сдерживать все свои страсти; священником – потому что из всего он сможет делать Евхаристию; пророком – чтобы разрушить ложь и смерть Светом Царства Небесного. И здесь размышления Евдокимова направлены, с одной стороны, на понимание преображенного лица, о котором он говорит, что это единственно возможное доказательство Бога для современного человека. С другой стороны, он размышляет о собственно миссии женщины, поставленной перед демонизацией истории, совершаемой силой мужской воли. И женщина призвана покрывать своей материнской заботой всю жизнь; она должна вновь родить Бога в опустошенных душах людей. Этот русский персонализм, вдохновленный христианством, теперь стал общим достоянием всех православных церквей. В этом ряду стоит творчество О.Дмитрия Станилое, румынского священника и богослова, греков Никоса Ниссиотиса, Панайотиса Нелоса, Крестоса Яннараса и митрополита Иоанна Пергамского. Немного в стороне от границ православия этот персонализм проникает сегодня в весь христианский мир, в этот решительный момент истории, когда мучительно рождается вселенская цивилизация, которая, как я считаю, может быть только цивилизацией личностей и общностей личностей, т. е. тринитарной цивилизацией. Вы, конечно, знаете прекрасный фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев». Сам фильм черно-белый, но в конце его икона Троицы как бы взрывается необыкновенными цветами, могущественными и радостными. Так в конце фильма Тарковский говорит, что вот Она, наконец, Троица, великая и царственная. Тайна разделения Одного на

Три и соединения Трои в Одном рождает тайну человеческого братства и открывает нам будущее будущих веков.

Лекция 1. Тема личности в Священном писании

Лекция 2. Тема личности по греческим отцам Церкви

: 1-е послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла. Новый перевод с древнегреческого священника Леонида Лутковского

Библеистика

Глава 11. Павел, Силуан и Тимофей – Фессалоникийской церкви Бога – и Господа Иисуса Христа. Да пребудет с вами благодать и мир Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа!2. Мы всегда благодарим Бога за всех вас, поминая вас в молитвах своих,3. и непрестанно вспоминаем ваши дела веры, совершаемые ради Бога и Отца нашего, вашу любовь и терпеливую надежду на Господа нашего Иисуса Христа,4. зная об избрании вашем, возлюбленные Богом братья,5. ибо проповедь наша у вас заключалась не только в словах, но сопровождалась множеством чудес и явлением /даров/ Духа Святого, так что вы сами знаете, чем мы стали для вас, когда были у вас.6. И вы, несмотря на множество страданий, приняли проповедь нашу с радостью в Духе Святом, стремясь подражать нам и Господу,7. и потому стали примером для всех верующих в Македонии и Ахайе,8. а поскольку слово Господне после вас продолжает распространяться, то не только в Македонии и Ахайе, но и во всех провинциях стало известно вашей вере в Бога, так что нам не надо было и рассказывать о вас,9. ибо сами верующие рассказывают нам о том, как мы пришли к вам как вы от идолов обратились к Богу, чтобы служить Богу Живому и Истинному <Втор32,4; Ис37,178>10. и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, – Иисуса, Который избавит вас от грядущего гнева.

Глава 21. Да вы и сами знаете, братья, что наше пребывание у вас не оказалось бесплодным,2. и вы знаете, что несмотря на страдания, которые нам довелось претерпеть в Филиппах, мы, уповая на Бога нашего, с великим дерзновением возвещали вам Евангелие Божье,3. и, проповедуя, мы не вводили вас в заблуждение, не лгали и не обманывали,4. но поскольку Бог, подвергнув нас испытанию, доверил нам возвещать Евангелие, то мы не людям угождаем, а Богу, Который испытывает сердца <ИерП,20.> наши.5. Вы знаете также, что в словах наших никогда не было лести и, Бог свидетель, ни малейшей корысти,6. ибо мы никогда не добивались почестей ни от вас, ни от других людей.7. Как апостолы Христовы могли бы быть строги к вам, но мы были кротки, подобно кормилице, лелеющей питомцев своих;8. мы не хотели ограничиться проповедью Евангелия Божьего, но открыли вам души свои, потому что полюбили вас.9. Вы ведь помните, братья, тяжелый труд наш: чтобы никому из вас не быть в тягость, мы днем и ночью работали и проповедовали вам Евангелие Божье.10. Свидетели и вы, и Бог, сколь благочестиво, праведно и безупречно жили мы среди вас, верующих,11. и вы знаете также, что каждого из вас, словно отец детей своих,12. мы просили, убеждали и уговаривали жить так, как угодно Богу, Который призывает вас в Свое Царство и славу.13. Вот почему мы непрестанно и благодарим Бога, ибо, приняв проповеданное нами слово Божье, вы восприняли его не как слово человеческое, но как воистину слово Божье, которое и осуществляется в вас, верующих.14. Вы уподобились братьям во Христе Иисусе из церквей

Божьих в Иудее, потому что так же пострадали от своих соплеменников, как и они от иудеев, 15. которые и Господа Иисуса, и пророков Его убили, и нас изгнали, и Бога не боятся, и со всеми людьми враждуют, 16. и нам постоянно препятствуют призывать язычников ко спасению, тем самым переполняя меру грехов < Быт 15,16 > своих. Но в конце концов падет на них гнев Божий. 17. И пусть мы давно уже разлучены с вами, братья, – сердцем мы вместе – и потому с еще большим желанием мы стремились лично увидеться с вами, 18. но в этом нам воспрепятствовал сатана, хотя мы собирались прийти к вам, и я, Павел, не раз и не два, 19. ибо кто, если не вы, наша надежда, радость и заслуженная гордость пред Господом нашим Иисусом во время Его пришествия? 20. Вы – слава наша и радость. **Глава 31.** Вот почему, не откладывая более, мы решили остаться в Афинах одни, 2. а к вам послали брата нашего Тимофея, – служителя Божьего и помощника нашего в благовестии Христовом, чтобы поддержать вас и укрепить в вас веру вашу, 3. дабы, несмотря на претерпеваемые страдания, она ни в ком из вас не поколебалась. Да вы и сами знаете, что так должно было быть, 4. ибо когда мы были у вас, то предупреждали вас о предстоящих страданиях, и, как видите, это сбылось. 5. Поэтому – то, не откладывая более, я и послал узнать о вере вашей: не удалось ли соблазнительно соблазнить вас, и не напрасным ли оказался труд наш? 6. Но вот Тимофей возвратился от вас и принес нам радостную весть о вере и любви вашей, и что вы, навсегда сохранив добрые воспоминания о нас, желаете увидеться с нами так же, как и мы с вами, 7. поэтому благодаря вам, братья, и вере вашей нам не только легче переносить все скорби и страдания наши, 8. но и жить теперь легче, зная, что вы сохраняете верность Господу. 9. Чем же мы можем отблагодарить Бога за вас, чем воздадим Ему за всю ту радость, которой мы радуемся о вас, 10. ночь и день усердно молясь Богу нашему о том, чтобы лично увидеться с вами и восполнить то, в чем нуждается вера ваша? 11. Пусть же Сам Бог и Отец наш и Господь наш Иисус укажут, когда нам отправляться в путь к вам. 12. А вас да преисполнит Господь такою же безмерною любовью друг ко другу и ко всем /людям/, какую мы преисполнены к вам, 13. чтобы непорочные пред Богом и Отцом нашим сердца ваши укоренились в святости ко времени пришествия Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его < Зах 14,15. >. Аминь. **Глава 41.** В заключение же мы просим вас, братья, жить как и должно, угождая Богу; вы так и живете, но мы призываем вас еще более преуспевать в исполнении заповедей, принятых от нас, 2. которые, как вы знаете, мы дали вам именем Господа Иисуса, 3. ибо воля Божья заключается в том, чтобы вы были святы и, воздерживаясь от блуда, 4. каждый из вас соблюдал свое тело святым и исполненным достоинства, 5. не уподобляясь язычникам, которые, не зная Бога < Ис 78,6. >, потакают своим похотям; 6. чтобы вы ни в каких делах не преступали закон и не обманывали братьев своих, потому что Господь покарает < Пс 93,1 > за все это, как мы и говорили прежде и предупреждали вас, 7. ибо Бог призывает нас не к пороку, а к святости, 8. поэтому тот, кто противится этому, не человеку противится, а Богу, Который ниспосылает Дух Свой Святой на вас < Иез 36,27 >. 9. О любви же к братьям писать вам не надо, ибо вы сами научены Богом с любовью относиться друг к другу, 10. что вы и делаете по отношению ко всем братьям во всей Македонии. Но мы призываем вас, братья, еще более преуспевать в этом, 11. с остальными же, как мы и заповедовали вам, стремитесь жить в мире, занимайтесь своими делами и трудом своих рук добывайте себе средства к существованию, 12. чтобы ни в чем не нуждаться; и пусть остальные видят вашу благочестивую жизнь. 13. Не хотим также, братья, оставить вас в неведении об участии умерших, дабы вы не скорбели, как и прочие, которые лишены упования, 14. ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то веруем, что и умершим во Христе Бог дарует жизнь вместе с Ним. 15. Это мы передаем вам слова Господни: мы, оставшиеся в живых ко времени пришествия Господа, не опередим умерших, 16. ибо когда по Его велению архангел /вострубит/ и при звуках трубы < Исх 19,16 > Божьей Господь станет спускаться с небес, то прежде всего воскреснут умершие во Христе, 17. а затем и мы, оставшиеся в живых, будем вознесены вместе с ними на облака, чтобы встретить Господа на небе, после чего навсегда останемся с Господом; 18. так что ободряйте друг друга этими словами. **Глава 51.** О временах же и сроках мы также не станем писать вам, братья, 2. ибо вы

сами достоверно знаете, что день Господень < Иоиль 2,1 > придет, словно вор ночью, 3. и тогда тех, которые будут говорить о мире и безопасности, ждет внезапная гибель, которой они не избегнут, подобно тому, как беременная не избежит родовых мук. 4. Вы же, братья, не во тьме, чтобы этот день застал вас, словно вор, 5. ибо все вы – сыновья света и дня, а не сыновья ночи и тьмы. 6. Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и хранить трезвость, 7. ибо ночью спят спящие и ночью упиваются пьющие; 8. мы же, будучи сыновьями дня, сохраним трезвость, облачившись в кольчугу веры и любви и надев шлем надежды на спасение < Ис 59,17 >, 9. потому что Бог избрал нас не для наказания, но чтобы мы были спасены Господом нашим Иисусом Христом, 10. Который умер ради того, чтобы мы – бодрствуем ли мы, или спим – были живы вместе с Ним, 11. а потому ободряйте друг друга и поддерживайте один одного, что вы и делаете. 12. Просим вас также, братья, с уважением относиться к тем, кто помогает вам, кто поставлен Господом руководить вами и вразумлять вас; 13. воздавайте им безмерною любовью за дела их и живите в мире друг с другом. 14. Призываем вас также, братья, вразумлять беспечных, ободрять малодушных, поддерживать слабых, быть долготерпеливыми ко всем. 15. Следите за тем, чтобы никто никому не воздавал злом за зло, но всегда стремитесь добром < Притч 17,13 > воздавать и друг другу, и всем. 16. Всегда радуйтесь; 17. непрестанно молитесь; 18. за все благодарите Бога, ибо такова Его воля о вас во Христе Иисусе. 19. Духа не угашайте, 20. пророчеств не отвергайте, 21. но все проверяйте и правильно принимайте. 22. Избегайте всякого зла < Иов 1,1 >. 23. Пусть же Сам Бог мира всецело освятит вас, и все ваше естество – дух, душу и тело – сохранит непорочным ко времени пришествия Господа нашего Иисуса Христа. 24. Верен Тот, Кто призывает вас, – Тот, Кто и совершит это. 25. Братья, молитесь о нас. 26. Приветствуйте всех святых братским поцелуем. 27. Заклинаю вас /именем/ Господа прочесть это послание всем святым братьям. 28. Да пребудет благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами! Аминь.

: 2-е послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла. Новый перевод с древнегреческого священника Леонида Лутковского

Библеистика

Глава 1

1. Павел, Силуан и Тимофей – Фессалоникийской церкви Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа. 2. Да пребудет с вами благодать и мир Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа! 3. Мы по достоинству считаем своим долгом, братья, всегда благодарить Бога за то, что преумножается вера ваша и у всех вас возрастает взаимная любовь друг к другу, 4. так что мы сами хвалим вас в церквях Божьих за веру вашу и стойкость во всех претерпеваемых вами преследованиях и мучениях, 5. которые есть залог того, что во время праведного суда Божьего вы будете удостоены Царства Божьего, ради которого и страдаете, 6. ибо по-Божьему справедливо мучителям вашим воздать мучением, 7. а вам, претерпевающим мучения, вместе с нами – блаженством, когда Господь Иисус сойдет с небес вместе с воинством ангелов Его < Пс 102,19-20 > 8. в огненном сиянии и покарает тех, которые не познали Бога и не приняли < Ис 66,4,5 > Евангелие Господа нашего Иисуса, – 9. они будут осуждены на вечные муки и отвержены от Господа и величия славы Его < Ис 2,10 > 10. в тот день, когда Он придет, и все

уверовавшие святые Его воздадут хвалу и славу Ему < Ис 2,11>. И так как вы поверили тому, что мы проповедовали у вас, 11. мы всегда молимся о вас, чтобы Бог наш удостоил вас призвания и исполнил вас желанием и силой совершать добрые дела веры, 12. дабы тем самым вы прославили имя Господа < Ис 66,15> нашего Иисуса Христа, а по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа - и вы прославились в Нем.

Глава 2

1. Что же касается /второго/ пришествия Господа нашего Иисуса Христа и нашего соединения с Ним, то мы просим вас, братья, 2. чтобы вы, поспешив образумиться, перестали распространять слухи о том, будто в якобы от нас исходящем послании сказано, что уже наступает день Господень < Иоиль 2,31>; 3. никто да не введет вас каким-либо образом в заблуждение, потому что прежде наступит отпадение /от веры/ и явится человек беззакония, сын погибели, 4. который противопоставит себя всему, что считается божественным или священным, и настолько превознесется, что воссядет в храме Божьем, объявив себя самого богом < Дан 11,36; Иез 28,2>. 5. Разве вы не помните, что я, будучи у вас, говорил вам об этом? 6. И вы знаете, что теперь удерживает его до времени его появления, 7. ибо беззаконие уже действует /в мире/, но только скрытно, до тех пор, пока ему препятствует удерживающий, 8. а тогда явится беззаконник, которого Господь Иисус убьет дуновением уст Своих < Ис 11,4> и уничтожит величием пришествия Своего, 9. беззаконник, пришествие которого с помощью сатаны будет сопровождаться множеством великих чудес и ложных знамений, < Втор 13,1> 10. чтобы неправдою и обманом погубить тех, которые не приняли любви /Бога/ истинного, призывающего их ко спасению. 11. За это Бог допустит, чтобы они были введены в заблуждение и поверили лжи, 12. дабы все, отвергнувшие истину избравшие неправду, были осуждены. 13. Мы же считаем своим долгом, возлюбленные Господом братья, всегда благодарить Бога за то, что, освятив вас Духом и даровав вам веру в истину, Бог изначально избрал < Втор 13,12; 7,6.> вас ко спасению, 14. для чего посредством нашей проповеди Он призвал вас стремиться к достижению славы Господа нашего Иисуса Христа. 15. Итак, братья, храните и соблюдайте учение, которое мы преподали вам будь то устно или письменно. 16. Пусть же Господь наш Иисус Христос и Бог, Отец наш, по благодати Своей возлюбивший нас и даровавший нам твердую надежду на вечное блаженство, 17. утешит ваши сердца и укрепит вас /в желании/ и словом, и делом творить добро.

Глава 3

1. И напоследок: молитесь о нас, братья, чтобы /здесь/, как и у вас, слово Господне быстро < Пс 146,15> распространялось и прославлялось 2. и чтобы мы были избавлены от злых и порочных людей < Иов 11,11; Ис 25,4>, ибо много неверующих, 3. но Господь верен: Он поможет вам и защитит от лукавого, 4. и, /уповая/ на Господа, мы уверены в том, что вы поступаете и будете поступать так, как мы заповедовали вам. 5. Пусть же Господь укрепит в ваших сердцах любовь к Богу и надежду на Господа! 6. Мы же умоляем вас, братья, во имя Господа нашего Иисуса Христа избегать братьев, живущих праздно, а не по заповедям, которые мы дали вам; 7. вы ведь сами знаете, что в этом должны подражать нам, ибо мы, когда были у вас, не вели праздный образ жизни, 8. не ели даром чужой хлеб, но днем и ночью непрестанно до изнеможения трудились, чтобы никому из вас не быть в тягость, - 9. не потому, что мы не имели на это права, но чтобы дать вам пример для подражания, 10. ибо когда мы были у вас, то заповедовали вам: кто не желает трудиться, тот пусть и не ест. 11. Однако нам стало известно, что некоторые из вас живут праздно, ничего не делая, а бездельничая, 12. поэтому /именем/ Господа нашего Иисуса Христа мы умоляем их образумиться и призываем трудом добывать себе хлеб < Притч 12,11>. 13. Вы же, братья, непрестанно благотворите. 14. Если же кто-нибудь не внемлет словам нашего послания, то вы, пристыдив его, предупредите, что не

будете с ним общаться, 15. но относитесь к нему не как к врагу, а вразумляйте как брата. 16. Пусть же Сам Господь мирадарует мир вам всегда и везде Да пребудет Господь со всеми вами! <Ис26,12;Руф2,4> 17. Признаком /подлинности/ каждого послания служит собственноручно мною, Павлом, написанное приветствие: 18. да пребудет благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами! Аминь.

Протоиерей Борис Бобринский: О развитии приходской жизни во Франции

Церковная жизнь

(Беседа состоялась во время приезда О.Бориса в Москву в 1991 г.)

О.Борис: Мне хотелось бы начать разговор о приходской жизни и о проблемах прихода и поделиться нашим уже немалым опытом, главным образом в Западной Европе. Этот вопрос кажется чрезвычайно существенным, особенно в условиях возрождения и развития церковной, а следовательно, и приходской жизни в России. В настоящее время мы становимся свидетелями удивительного явления: создаются и развиваются многочисленные приходы, в первую очередь русские, а затем греческие, сербские, румынские, арабские православные, и, наконец, французские или английские, а также другие – в Западной Европе и в Америке. Сначала я хотел бы рассказать вам о русских приходах. Мне кажется, что русское рассеяние, массовая эмиграция 20-х годов, явилась, с одной стороны, страшной трагедией, а с другой стороны, необычайным благословением Божиим, провиденциальным явлением, благодаря которому Православие как бы перекочевало с Востока на Запад, укоренилось, укрепилось на Западе, а затем стало и свидетельствовать, расти и сиять. Много можно рассказать о создании храмов, приходов. Нужно лишь уточнить: если в Западной Европе эта приходская действительность явилась чем-то новым и чем-то оригинальным, возникшим после первой мировой войны и революции 1917 г., то в Америке, в Канаде, может быть, и на Аляске – наоборот, развитие православной жизни и православной церкви началось намного раньше, почти на столетие раньше. И немалую роль в развитии Православия в Америке сыграл будущий патриарх Тихон в бытность свою архиепископом (если не ошибаюсь. Аляскинским, Алеутским и Западноамериканским). Следует отметить, что особая, неоценимая заслуга в укоренении, развитии и организации православной церковной жизни в Западной Европе принадлежит митрополиту Евлогию, его незаурядному церковному духовному опыту, личным администраторским качествам, и в первую очередь – благодаря его правильной богословской установке. Когда митрополит Евлогий основал Сергиевское подворье и при нем, тогда еще на северо-восточных окраинах Парижа, богословский институт, то в этом институте были собраны наиболее крупные богословские силы. Почему я об этом сейчас говорю? Потому что в обстановке распрей, недоброжелательства и ссор, раздиравших русскую эмиграцию уже начиная с 20-х годов, митрополит Евлогий не только смог создать живую и сильную духовную школу, но и сумел защитить ее от попыток связать чрезмерно узким церковным авторитетом свободное богословское творчество. Это, несомненно, стало залогом будущего развития и расцвета богословского творчества в Париже, в частности в богословском институте, что впоследствии повлияло и на развитие всего западного Православия, плоды которого мы сейчас пожинаем. Здесь я не касаюсь проблем софиологии и защиты митрополитом Евлогием корпорации своего богословского института, и в особенности отца Сергия, но я хотел бы особо отметить, что митрополит Евлогий, приехав в Париж приблизительно в 1922–1923 г., с одной стороны, начал упорядочивать деятельность существующих храмов, а с другой стороны, стал способствовать очень быстрому созданию новых приходов в Париже, по всей Франции и не

только в Западной, но и в Центральной, Северной, Южной Европе, и в частности в Англии. Митрополит Евлогий с самого начала вдохновлялся духом и буквой Московского собора 1917–1918 гг. И потому совершенно естественным образом там, где возникала церковная жизнь, она стала упорядочиваться в рамках приходской действительности, как бы это ни было трудно. Надо уточнить, что до 1917 г., до Московского собора, существовали храмы в Париже, в других городах Франции и в Италии, но эти храмы (не думаю, чтобы я ошибался) никак не имели в себе образа приходской жизни, приходского соборного делания. Был клир, было духовенство, был причт, все это зависело непосредственно от Святейшего Синода, получало от него непосредственные директивы, однако никакой приходской, всецерковной, соборной работы не было, я бы даже сказал, и быть тогда не могло. Именно потому приезд митрополита Евлогия стал новой вехой в жизни церкви. Приведу некоторые отрывки из книги митрополита Евлогия «Путь моей жизни». Это ценнейший исторический материал, описывающий всю жизнь и деятельность митрополита Евлогия, начиная с того времени, когда он еще был викарным епископом, потом правящим на Холмщине, рассказывающий о том, как он участвовал в Московском соборе при выборе и интронизации патриарха Тихона, как он после плена попал за границу и как он стал работать на ниве западного православного дела. Митрополит Евлогий пишет: «Первые мои впечатления по приезде в Париж на постоянное жительство были отрадны - чудесный, большой храм, образованное, достойное уважения духовенство, толпы молящихся. Наплыв богомольцев был так велик, что храм не вмещал всех собравшихся, была давка. В холод и непогоду - все такие же огромные толпы, я, бывало, беспокоюсь, что люди мокнут под дождем, а один прихожанин иронически отозвался о толпившихся на дворе: дворяне, посудачить приходят. В этих словах была доля правды, поскольку храм на rue Daug стал в полном смысле слова живым центром эмигрантской жизни, но и не только в положительном смысле. В церковь шли не только помолиться, но и встретиться за церковной оградой со знакомыми, обменяться новостями, поговорить о политике, завязать какие-нибудь деловые связи, найти, может быть, людей, которых потеряли за все эти годы смутного времени и которых иногда находили во дворе или в храме. Духовный подъем церковного народа мне передавался, я входил в жизнь моей паствы, сливался с ней, стали завязываться знакомства, поначалу была надежда найти опору в новосоставленном церковно-приходском совете, но она, к сожалению, не оправдалась». Митрополит Евлогий с горечью вспоминает о тех трудностях, которые он пережил в самые первые месяцы и годы жизни в эмиграции, когда он уже переехал на жительство в приходской дом при кафедральном соборе. «Церковно-приходской совет организовался на основании постановления Московского церковного собора, допускавшего участие мирян в управлении церковными делами. В состав его вошли, за немногими исключениями, бывшие сановники, генералы, чиновная интеллигенция, люди, народной массе далекие, а по политической окраске почти все одинаковые, крайне правые... Усилия мои поднять совет к более интенсивной церковной приходской жизни, к запросам церковного народа ни к чему не привели... Заседания обсуждали бесплодные вопросы, споры тянулись месяцами: о выселении какого-то озлобленного бывшего священника, о регенте, огороднике, псаломщике. Сколько речей, пикировок и т. д.! Оставалось еще приходское собрание, созывавшееся периодически. В зал вливалась улица. Случайные люди, понятия не имевшие не только о церковном настроении, церковной работе, но и об общественной дисциплине. Речи и дебаты превращались в болтовню о дрязгах, о кляузах, являли борьбу мелких самолюбий и злобных страстей». Вот обстановка, какую встретил митрополит Евлогий, приехав во Францию, внутренне уже воспитанный здраво и дошедший в своем духовном и церковном росте до глубокого правильного церковного сознания как участник Московского собора и, несомненно, участник всех тех заседаний, комиссий, подготовлявших различные проекты, которые вылились в устав Московского собора. Несомненно, митрополит Евлогий представлял себе приходскую жизнь в лучших красках, чем он ее нашел. Я повторяю, до революции Православие во Франции существовало, но в городах оно было в виде так называемых «курортных» храмов для обслуживания тех православных людей, которые приезжали туда на зимнее или другое

время. Однако после 1918 г. приходская жизнь формируется естественным образом. Очень скоро храм кафедрального собора Александра Невского (Rue Daug, как мы его называем) стал недостаточным и уже не вмещал весь тот наплыв десятков тысяч, если не больше, верующих, православных русских, которые вливались в это горлышко парижской и французской жизни. Благодаря целому ряду счастливых, я бы сказал, провиденциальных случаев, удалось приобрести на так называемой Крымской горке бывший немецкий лютеранский храм. Он был приобретен в день памяти преподобного Сергия Радонежского – 18 июля по новому календарю. Этот храм был переделан в течение двух лет и получил название Сергиевского подворья. Почему Сергиевское подворье? Потому что митрополит Евлогий мыслил с самого начала это место как подворье, как место продолжения не только церковной жизни, но и духовного образования в те годы, когда Троице-Сергиева лавра оказалась закрытой, и всякое духовное образование, богословское преподавание в России было на многие годы прекращено. Больше 200 страниц этой книги посвящены деятельности митрополита Евлогия по созданию приходов во Франции в разных городах, где находились русские верующие – рабочие в шахтах, на заводах и где им просто нужна была вера. Естественным образом они собирались вместе и стремились построить храм. Была нужда в священниках, и митрополит Евлогий стремился подготовить этих священников и направить их в различные храмы в провинции, храмы за границей. Одной из общих характеристик храмостроительства митрополита Евлогия, отличавшейся, как мне кажется, от храмовой жизни в Советском Союзе как раньше, так и теперь, – это сооружение храмов малого размера даже в Париже. Они размещались в небольших зданиях, иногда в гаражах, в магазинах или в особняках, за исключением Сергиевского подворья и кафедрального собора. Будучи небольшими, храмы способствовали развитию приходской жизни в том глубоком общинном смысле, в котором мы понимаем идеал церковной жизни. Об этом митрополит Евлогий также писал. Он высоко оценивает значение этих храмов – благодаря их небольшому размеру и тому, что верующие в них как-то естественным образом воспитываются и соединяются, знакомясь друг с другом. Между ними происходит некоторая спайка и возникает семейный дух, семейные отношения, глубокая духовная связь. Это все очень важно сказать, потому что это является одним из условий того, что мы в богословии приобрели в виде так называемого евхаристического сознания. Если вернуться к богословскому величию митрополита Евлогия, создание им богословской школы сделало возможным развитие литургического и богословского сознания, евхаристического сознания. Тут нужно упомянуть несколько имен и в первую очередь – о.Сергия Булгакова. Говоря об О.Сергии Булгакове, я в данную минуту совсем не думаю о его софиологических идеях, которые спорны, на которые могут быть, и были, и есть разные взгляды. Это, я бы даже сказал, для меня и для нас, его учеников, не самое главное. А самое главное то, что он сумел вдохновить нас. Я говорю «нас», хотя я поступил в богословский институт в год его смерти, так что я никогда лично не слушал его, но в 1944 г., когда я поступил, мы были еще пропитаны его духом и его присутствием. Действительно, естественным образом вливалась в нас эта, я бы сказал, жизненность православного богословия, которая для нас казалась чем-то таким нужным, таким новым в сравнении со всеми теми учебниками катехизиса, которыми мы были еще пропитаны. Я не хочу называть имен авторов этих учебников, которые создавались еще в дореволюционное время или даже священниками парижских храмов, от которых мы просто засыхали и засыпали. Так что о.Сергий впервые смог нам передать чувство, что богословие – нечто живое, то, что нас берет за душу и действительно отвечает самым глубоким запросам человеческого духа, человеческой души. Назову также о.Георгия Флоровского, который смог одновременно с о.Сергием, хотя он и моложе его, передать нам чувство актуальности православного святоотеческого предания. Это все не случайно – это к теме прихода, о которой мы сейчас говорим. Об Арсеньеве скажу позже. Есть его замечательная маленькая книжка об Евхаристии как таинстве общения. И, наконец, из более молодых – об архимандрите Киприане (Керне), о его книге «Евхаристия». Хотя он сам не дерзал вводить никаких новшеств в свое литургическое служение, но объяснял нам, до какой степени традиция чтения тайных молитв

противоречит смыслу православной литургии и древнему преданию. О.Киприан также впервые освободил нас, студентов, своих учеников, своих духовных детей, от какой-то узко-формальной зависимости исповеди от причастия. Необходимо ли перед каждым причастием исповедоваться вот так, как бы формально? Он научил нас, что нет (впервые это было в сороковые годы) – вы причащайтесь каждое воскресенье, это норма причастия для сознательных православных богословов, а исповедывайтесь уже по договору с вашим духовником. И это как-то стало для нас совершенно естественным. Это тоже важно, потому что это лежит в основе многого как важный момент в развитии приходской жизни. Упомяну затем о.Николая Афанасьева. Он автор целого ряда книг, например «Трапеза Господня», «Служение мирян в Церкви» и других. Все его частичные труды были собраны и объединены в его докторскую диссертацию «Церковь Духа Святого», вышедшую в Париже уже после его смерти – в 1971 г. О.Николай Афанасьев был профессором церковной истории и канонического права в нашем богословском институте, много писал по-французски, был наблюдателем II Ватиканского собора в 70-х годах, был теоретиком богословского экклезиологического учения, так называемой «евхаристической экклезиологии». Главная мысль о.Николая заключается в том, что там, где Евхаристия, там и Церковь, а где Церковь, там и Евхаристия. Евхаристия не является просто каким-то одним из действий духовенства, идущих на удовлетворение духовных потребностей паствы, а Евхаристия есть сама жизнь Церкви в ее глубине, в ее силе, в ее святости, в ее славе, в ее полноте. Это очень важный момент. И то, как о.Николай развил его, показывает, в частности, что в Евхаристии определяется не только место епископа как предстоятеля и место клириков, но и место мирян как царственного священства, т. е. показывает, что существует не просто священство иерархическое, трехстепенное – епископ, пресвитер, дьякон, но что священство является по существу общей нормой и реальностью. Вся природа Церкви либо священна, либо она не есть, и потому мы все совместно, совокупно являемся членами Церкви как царского священства. Тут, конечно, о.Николай ссылаясь на известные места из Первого послания апостола Петра или Апокалипсиса, которые как бы воспринимают уже идеи, взятые из Пятикнижия об Израиле Божиим как священном народе Божиим. Отсюда идея «лаоса», идея народа Божия как царственного священства, полноправными членами которого мы становимся все вместе в Крещении, Миропомазании и Евхаристии, а несколько не второсортными участниками. Это понимание царственного священства, между прочим, в годы его жизни встречало немало отпора в некоторых академических кругах, в частности в Греции. Некий, например. Царствие ему Небесное, профессор Трембелас просто громил его с высоты своей профессорской кафедры: «Какое там царственное священство. Священство может быть только трехстепенное, и никакого другого быть не может. Это все уже введение демократии и т.д., недопустимое в жизни Церкви...», хотя сам он был лаик. И отсюда возникало противопоставление лаиков служителям Церкви. Ведь понятие «лаики» было чрезвычайно ущемлено в западном мышлении. Поэтому в настоящее время во Франции, если вы кому-нибудь скажете – *el laik*, это не обязательно будет означать «мирянин», а это будет означать для *ecole laik*, например, гражданскую школу, которая как бы идет против Церкви, светскую в самом отрицательном смысле слова. О.Николай показывает, что по существу своему слово «лаик» – это священное слово, от слова «лаос», народ Божий, которого мы, священство и миряне, все совокупно являемся членами. Отсюда идет служение лаиков как служение народа Божия, в чем и состоит участие всего народа Божия в священнодействии. Отсюда идет, конечно, и то, что о.А. Шмеман разовьет в идее Евхаристии, – что Евхаристия есть как бы явление соборности всей Церкви, а не только совершение таинства духовенством. Служение лаиков в области церковного управления в особенности важно не только в жизни прихода, но даже и в жизни епархии, поскольку, исходя из Устава Московского собора 1917 г., выбранные члены приходов и разных общественных организаций появляются в епархиальных и всероссийских церковных собраниях. Служение лаиков и в области учительства, конечно, также важно, потому что в Православии никак учительство и священство не совпадают одно с другим, но тут можно было бы много сказать положительного

и отрицательного. Наконец, последний, о ком я хотел бы упомянуть, из тех, кому мы столь обязаны ростом и созданием нашего современного церковного соборного, литургического и евхаристического сознания, – это, конечно, протопресвитер Александр Шмеман. В России он очень известен, но для одних он, может быть, является камнем основания, а для других – камнем преткновения или соблазна, потому что слово «Шмеман» сразу выявляет, в какую сторону люди смотрят. Меня это поразило при некоторых встречах в России в этом году. Но, конечно, заслуги о.Александра Шмемана огромны. Я упомяну несколько его трудов. «Великий пост» – это популярная книга о посте. Упомяну и более научный труд, который мыслился как бы введением в целую серию, началом богословского литургического преподавания, – «Введение в литургическое богословие». Упомяну, конечно, его книгу-завещание, вышедшую посмертным изданием, «Евхаристия -таинство Царства». И последняя его книга – «Водой и Духом», не говоря об «Историческом пути Православия» и т.д. Множество трудов, книг и статей, а еще вся его огромнейшая деятельность в развитии литургического сознания в Париже, во Франции, а затем, конечно, и в Америке. Я думаю, что Софья Сергеевна Куломзина может многое о нем сказать. Она была свидетелем и его сотрудницей в течение многих лет. Думаю, что я не случайно назвал всю эту плеяду людей. Надо обязательно сказать, что мы все им обязаны тем, что существуем поныне. И естественным образом, после отъезда о.Александра в Америку в 1951 г., после кончины о.Николая Афанасьева в 1965 г., о.Киприана в 1960 г., я упомяну о.Василия Зеньковского. Ни один из наших профессоров не был чужд этому церковному возрождению. Как сказал о.Александр Шмеман, само богословское возрождение невозможно, если оно не исходит из глубин евхаристического опыта. Здесь, обращаясь назад, в дореволюционное время, хотелось бы упомянуть о тех семенах, посеянных вне стен русских духовных академий, например, о.Иоанном Кронштадтским, а до этого еще всем славянофильством, Хомяковым и Киреевским, братьями Трубецкими и всем старчеством Оптинским, которое само явилось наследником евхаристического возрождения XVIII в., – свв. Никодима Святогорца и Паисия Величковского. Без них, опять я повторю, мы не были бы сейчас тем, кто мы есть. После второй мировой войны развивается западное православие. Когда я говорю «западное православие», то имеется в виду не французское или английское. Я хочу прежде всего сказать, что происходит некая эволюция самого политического сознания, может быть, и самих русских. Они уже теряют надежду вернуться скоро на Родину. Еще до второй мировой войны многие жили, так сказать, на чемоданах. Теперь же пущены глубокие корни, выросли второе, третье поколения. Уже молодежь не так легко и хорошо говорит на русском языке, все больше и больше смешанных браков, дети часто отходят от Православия, особенно в провинции, и появляется все более и более насущная, острая нужда удержать молодежь в Православии, в русскости в той степени, в которой это возможно. В связи с этим возникли разные направления, организации, некоторые из них отдают определенное первенство русскости в Православии, другие отдают первенство Православию в русскости. Вы понимаете, все зависит от того, что и как сочетать. И, наконец, создаются общины смешанного этнического характера. В создании этих новых живых общин неповторимую роль сыграла русская эмиграция. И когда я говорю «русская», я говорю это без всякого сомнения или чванства, это значит – в отличие от греческой или других национальностей. Русская церковь, русское беженство благодаря своей школе, своей церковной организации и своему церковному сознанию смогли не только укорениться на Западе, но и свидетельствовать о Православии в новых условиях. Упомяну хотя бы о том, кто ездил на международные екуменические собрания: митрополит Евлогий, о.Сергий Булгаков, епископ Кассиан, Флоровский, Зандер и много других. Какую роль сыграли они в свидетельстве, в ознакомлении с Православием на Западе, когда Русская церковь была уже за железным, наглухо закрытым занавесом! И потому эти русские общины стали как бы некоторым ядром, вокруг которого стали собираться частицы, – верующие разных языков. Я намеренно не хочу здесь затрагивать проблему юрисдикции. В двух словах только скажу, что в Европе произошло разделение юрисдикций, то есть церквей, верных Московской Патриархии, и части церквей, главным образом в Сербии, которые не

захотели подчиняться Московской Патриархии и которые создали самостоятельный, независимый Архиерейский Синод в Карловцах в 20-х годах. До 1930 г. митрополит Евлогий во Франции для всех церквей, которые были ему подвластны, сохранял каноническую верность Московской Патриархии, и только после всех тех нажимов и давлений, которые исходили из России в 1927-1928 гг., митрополиту Евлогию пришлось прибегнуть к покровительству Вселенской Патриархии. И он пошел под омофор Вселенского Патриарха, стал его экзархом с 1930 г. Так или иначе. Московская Патриархия сохранила свой приход в Париже, Трехсвятительское подворье, а затем, уже после войны, создала несколько приходов на окраинах Парижа. Зарубежный Синод тоже сохранил храм в Париже. После войны некоторые приходы стали разделяться на юрисдикции. Но так или иначе, во всех этих юрисдикциях возникла одна общая проблема дальнейшего существования Православия на местных языках. Потому в настоящее время и в Московской Патриархии, и в Зарубежной церкви, и у нас (Константинопольская Патриархия) – повсюду есть французские приходы. Точнее сказать – "франкоязычные приходы". Это, может быть, не касается храма на Сен-Виктор, храма «Всех скорбящих радость», но, во всяком случае, мой приход в нижнем храме кафедрального собора я, несмотря на все мое желание, не могу назвать французским (в Александро-Невском кафедральном соборе на улице Рю-Дарю в Париже размещаются два прихода: в верхнем храме традиционный приход со службой на церковно-славянском языке, а в нижнем храме (крипте Св. Троицы) – франкоязычный приход). Я воспринял этот приход, эту общину от моего предшественника, покойного О.Петра Струве, и в нем собираются и русские, и греки, и сербы, и румыны, и арабы, и французы во все большем и большем количестве. Сейчас, конечно, преобладают православные французы, но мы очень ярко, очень конкретно чувствуем преемственность, связь как бы «географическую», будучи под кафедральным собором. Чувствуем связь, близость, а иногда, может быть, даже и некоторое давление со стороны русского прихода, с которым мы вообще в отличных отношениях. Характеристика французского Православия – это моя главная и последняя тема. За эти 20 – 25 или 30 лет Православие на Западе развилось уже в новых формах и на новых языках. Мы наблюдаем возникновение некоторых новых явлений и новых аспектов православной жизни, о которых нельзя сейчас не упомянуть. Прежде всего, я повторяю, и это не ново, все наши приходы, будь то русские или западные, именно западные, а не французские, западные в некотором собирательном смысле, – все они живут или стремятся жить по приходскому уставу 1917-1918 гг., который нормировал участие мирян в жизни церкви. И действительно, мне кажется, в нашей епархии, или в наших епархиях (тут я не делаю исключения ни для Московской юрисдикции, ни для Зарубежной церкви), существует приходская жизнь: общие собрания прихожан под председательством настоятеля с участием выбранных мирян, которые составляют приходской совет, выборные же миряне присылаются делегатами на епархиальные собрания и т. д. То есть здесь происходит, по крайней мере, попытка соборной жизни церкви. Мне хотелось бы вернуться к уже упомянутой теме – к евхаристическому сознанию. И тут я бы сказал, что западные приходы отличаются от приходов традиционных, в особенности русских, или румынских, или сербских, тем, что верующие приступают к святым Тайнам часто, даже еженедельно, по воскресеньям. Для верующих, приходящих извне, из Католичества, или из Протестантизма, или из неверия, и обнаруживающих всю красоту и всю полноту Православия, становится совершенно естественным то, что мы обнаружили только в стенах богословского института, а именно присутствовать на литургии и не причащаться – это действие, противоречащее себе, нонсенс, просто отрицание самой сущности, самой целесообразности, самой полноты святой Евхаристии. Но надо сразу сказать, что это евхаристическое сознание и потребность постоянного или регулярного причащения содержат в себе и некоторую опасность. Опасность некоторой банализации. Опасность, которая кроется в приобретении навыка, привычки, а эта привычка чрезвычайно духовно губительна и опасна. Потому что если мы причащаемся по привычке, то мы причащаемся без достаточной подготовки и, я бы даже сказал, без достаточного страха Божия. Мы уже настолько начинаем чувствовать себя дома в

доме Божиим, что мы причащаемся с верою и любовью, но без страха Божия. Об этом мы стараемся напоминать как можно чаще. Это наша проблема. Однако это не означает, что можно вернуться к старой практике, к редкому причащению, которое было бы сейчас совершенно невыносимо. Конечно, в настоящее время мы присутствуем при столкновении, при контрасте двух разных церковных практик – православного Востока, в Румынии, где, например, причащаются раз или два в год и где даже великие старцы не советуют причащаться чаще, и, наоборот, у нас, где частое причащение естественно, но наши наставники напоминают о том, как нужно и поститься, и молиться, и готовиться. Другое явление, которое характеризует западное богослужение, западную литургическую жизнь, – это большое стремление более открывать царские врата. Тут вопрос церковного, и, я бы даже сказал, литургического инстинкта. Я лично могу служить при закрытых вратах, если это нужно, но могу и при открытых. Помню, я однажды поехал в монастырь о.Плакиды во Франции, который служит ночную литургию по Афонскому чину, и он меня пригласил служить. Я один служил литургию, а во время тайной евхаристической молитвы он подошел и закрыл не только врата, но и завесу наглухо. Я был наглухо заперт в алтаре во время всей евхаристической молитвы, а народ там, сзади, стоял и молился. Хорошо, значит, так им нужно. Я это говорю абсолютно не в осуждение, я хочу сказать, что символика может быть многовыразительна. И в данном случае мы, пастыри западных приходов, чувствуем, насколько от западного человека невозможно запереться, когда он не вырос в церковном сознании, когда у него нет корней, когда он все должен получить заново. Поэтому нужна какая-то большая прозрачность, простите за современное слово. Большая прозрачность, большее общение. Так что мы читаем вслух тайные молитвы и царские врата мы открываем больше, в некоторых церквях – совсем. Я даже помню, когда скончался О.Николай Оболенский, настоятель верхнего храма собора, покойный владыка Георгий попросил меня быть настоятелем наверху, а я не посмел открыть врата наверху, там это не принято, и владыка Георгий сам подошел и властно их открыл. Это показывает насколько он сам, старый русский архиерей, мог понять духовные потребности западного человека. Это не всякий сделал бы на его месте. О тайных молитвах. В бытность мою в богословском институте нам внушали, что тайные молитвы не нужно понимать как секретные молитвы, а как таинственные молитвы, относящиеся к самому таинству Евхаристии. Эти молитвы касаются всей общины, всего соборного народа Божия, и потому, за исключением некоторых специфических молитв, например, перед великим входом ("Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми..." и т. п.), которые касаются священства, самого духовенства, мы стремимся читать их вслух. И не только это. Мы воспитали народ Божий так, чтобы во время преложения Даров при словах: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего» весь народ говорил: «Аминь», при словах: «А еже в Чаше сей, Честную Кровь Христа Твоего» весь народ отвечал: «Аминь», при словах: «Преложив Духом Твоим Святым» – «Аминь. Аминь. Аминь». Они уже сами так делают. Это ничуть не есть наша какая-то особая фантазия. Маленькая подробность: Америка тоже это приняла, и это стало необходимым, естественным делом. Я не знаю, как в России сейчас, но литургию Преждеосвященных Даров Великим постом мы совершаем вечером, даже Синодальная церковь, которая считает себя самой православной, совершает ее вечером. Другой момент, который меня поражает, – это культуроспособность западных людей, приходящих в Православие. Они, если взрослыми становятся православными, нуждаются в катехизации, нуждаются в осмыслении всего того, что мы с вами воспринимали с молоком матери своей, – все обряды, молитвы, которые мы наизусть знаем и т. д. Каждое движение, каждый жест, каждое крестное знамение, каждый вздох, каждое коленопреклонение им надо осмыслить, и потому катехизация для них чрезвычайно важна. И они приходят десятками и десятками на наши собрания. Мы же почти каждые 2-3 недели издаем бюллетень для взрослых в моем приходе. Маленький пример, о котором я с горечью скажу. Уже больше 20 лет и у меня на приходе выходит такой бюллетень – «Приходской вестник» – каждый месяц. Это больше 30 страниц машинописи с иллюстрациями и всем, что хотите: проповеди, информация, сведения, новости. Очень живой бюллетень. А

когда меня назначили в верхний храм, это было в 1978 г., покойный владыка просил меня также организовать там встречи взрослых и бюллетень, – не удалось ни то, ни другое. Люди приходили, но не удалось как-то их собрать, может, моя вина была, но не вышло. Я думаю, что этой характеристикой французского православия, западного православия, скорее всего, я и закончу. История движется вперед. Православие укоренилось и укореняется на Западе. Конечно, сейчас то, что происходит в России, – эти сдвиги, открытие границ, возрождение церковной жизни – является для нас здесь невероятным. Во-первых, это стимул для нашей духовной и церковной жизни, а во-вторых, даже для вопроса: кто мы такие? Многие после возвращения из России спрашивали себя: в конце концов, кто мы такие? Но мы еще не нашли ответа. Думаю, что главное я сказал и постарался обрисовать некоторые из проблем нашей жизни. И теперь мы можем обмениваться мыслями, вопросами, мнениями. Скажу еще, что многим мы обязаны существованию монастырей, которых стало много в Западной Европе: в Англии, во Франции, или Афон. И это монашество чрезвычайно важно, это как бы легкие для здоровой духовной жизни всей Церкви. Этого момента тоже никак нельзя упустить. – Спасибо большое, о.Борис. Участники нашей беседы хотят, вероятно, задать Вам несколько вопросов. – О.Борис, есть ли и в России тенденция к более частому причащению, не обязательной связи исповеди с причастием? О.Борис: Тенденция такая есть. Вопрос о том, что нельзя стоять на литургии и не причащаться, вроде бы поднимается, но очень робко, потому что, вообще-то говоря, священство, как правило, очень жестко к этому относится. – Отец Таврион в пустыньке всех причащал каждый день. Не то, чтобы без исповеди, но все подходило под епитрахиль, не исповедуясь ему вслух. Там у него был очень живой дух, все, кто приезжал, участвовали в службе. – И у митрополита Антония – об этом было напечатано в Журнале Московской Патриархии, кажется, совсем недавно – исповедь и причастие разделены. Важен сам факт, что сообщение о такой возможности появилось. Это как бы первая ласточка. – Если бы таинства Покаяния и Причастия были разделены, то исповедь не превращалась бы часто в формальную индульгенцию, необходимую для того, чтобы причаститься; во многих приходах именно так дело и обстоит. О.Борис: Мы восстаем против автоматической разрешительной молитвы без исповеди. – То есть священник читает молитвы, но разговора нет. В Москве, правда, сейчас появилась практика, если вечером прийти, то можно и поговорить. – Если сам очень желаешь, то можешь исповедаться, но священникам, конечно, не по силам исповедовать всех желающих, их очень много. – Честно говоря, об этом можно сильно сожалеть – ведь просто стыдно долго говорить, когда за тобой стоит очередь в 10 человек. – В Днепропетровске мы наблюдали просто-таки массовое отпущение грехов. Человек 7-8 подходят, священник накрывает их, говоря: «Назовите ваши имена», читает молитву – и все. О.Борис: Видите, тут возникает вот такая проблема: если приход очень многочисленный, то исповедь – как целая индустрия, целая промышленность. Нет возможности священнику иметь личное общение и духовническое отношение к верующим. Потому здесь напрашивается такой вопрос, мы и сейчас его ставим как бы поневоле, вопрос самой России, – это не создавать гигантских храмов, о проектах которых мы читаем тут и там, а организовывать маленькие общины, в которых священник и верующие могли бы сплотиться в единую духовную евхаристическую семью. – Технически это пока мало вероятно. О.Борис: Но вы понимаете смысл этого? – Да, смысл понятен, просто если появляется хороший священник, к нему сбегаются все. Народу всегда сверх возможностей храма. О.Борис: Нагляден уже пример О.Иоанна Кронштадтского. – Отец Борис, вы сейчас говорили о роли приходов, а мне кажется, что вы ничего не сказали о роли приходских школ, которые сыграли большую роль в том, что мы все получили. При каждом приходе была приходская школа, и там мы проходили катехизацию помимо того, что мы получали дома, мы еще получали на приходах, и мне кажется, этот опыт сейчас важен, поскольку создаются воскресные школы. У нас же занятия проводились по средам или по четвергам. – Происходило это при храме или на квартире? О.Борис: Всегда при храме. – Но все равно она считалась приходской школой, и сейчас она действует при соборе... – Преподавал священник? – Нет, прихожане. О.Борис: Надо сказать, что фактически все наши традиционные приходы, а теперь

и новейшие западные стремятся естественным образом – это просто закон жизни – создавать какие-то кадры для катехизической работы с детьми и со взрослыми. Главным образом с детьми, конечно. И больше того, нам удалось около 10-ти лет назад создать такую группу, ядро, ячейку, артель, называйте, как хотите, комиссию людей, которые работали – хорошо ли, плохо ли, но которые работали, и не над одной только книгой закона Божия «Жив Бог», но и над целым рядом книг и разных досье и т.д. Благодаря им мы даем нужный материал по закону Божию. Сегодня я хочу приветствовать Софью Сергеевну Куломзину, которая внесла в наше дело неоценимый вклад. С.Куломзина: По-моему, самое главное это то, что мы сумели создать группу ответственных людей, занимавшихся законом Божиим, способных собраться вместе и сотрудничать друг с другом. Это очень важно. Преподавать легче, а вот вместе составлять программы очень трудно. Это большая редкость, что уже несколько лет сотрудничают три прихода: два прихода из Константинопольской юрисдикции и приход Московской Патриархии. У нас общие катехизаторы из разных приходов, дети – отовсюду, все собираются, общая программа. Происходит это в помещении кафедрального собора. Такая совместная работа – это большая экономия сил и духовное приобретение. Самый трудный для меня вопрос – чтобы частое причастие не сделалось привычкой. Я приехала из Америки, там уже сравнительно долго существует практика разделения исповеди и причастия, особенно если в приходе священник, может быть, не чувствует особого призвания быть духовником. Не всякий священник имеет призвание быть духовником. Старшее поколение все-таки сохраняет чувство необходимости исповеди. А вот молодое поколение вырастает в привычке, что идешь в воскресенье в церковь, причащаешься, а исповедуешься хорошо если раз в год. У нас хороший приход, благочестивый, деятельный. О.Борис: Но чего-то не хватает. С.Куломзина: Я в этом приходе живу уже 6 лет. Поэтому на моих глазах дети, которым было 7 лет, теперь им уже 14-15, и эти дети вырастают без умения и привычки исповеди. О.Борис: Потребность в исповеди прививается с детства. – Я хочу поблагодарить за очень емкое изложение истории и характеристику общинной жизни. Можно ли, о.Борис, так же кратко обозначить штрихами – каковы духовные плоды такой общинной жизни? О.Борис: Духовные плоды, я думаю, – это само церковное сознание, сознание жизненности Православия, способность свидетельствовать о Православии в современном обществе. Например, у нас есть желание выйти из среды своего приходского «гетто». Я нарочно выбрал это слово, чтобы показать, что мы не хотим замыкаться, впадать в какое-то самолюбование и самодовольство. Думаю, что также важен вопрос о сознании ответственности за западный мир и за Россию, потому что мы все члены этого тела. Думаю, что в той степени, в которой развивается евхаристическое духовное сознание, развивается и чувство миссионерской ответственности, в частности для провинции. И мы чувствуем, насколько разнородно, насколько, я бы даже сказал, несправедливо существование приходов с одной стороны – в центре: Париж, Марсель, Ницца, Нью-Йорк, может быть, и еще какие-то крупные города, где православная жизнь устроена. В провинции же службы бывают редко или людям надо на них ездить с большими затратами и жертвами. Требуется очень большая забота о провинции в эти дни. В настоящее время передо мной стоит проблема, как помочь верующим одного из западных городов, в Руо. Нужно искать жертвенных людей, хор, который поедет туда петь, священника, который посвятит свое свободное время поездкам туда, и т. д. Вообще, духовные плоды – это и дела милосердия, и сама духовная жизнь. Духовная жизнь не как самозамыкание, но как поиски плодов Святого Духа, через связь с монашеством, в частности, поиски духовников. Ответственность за Россию – это чувство связанности, что мы вместе с вами – одно. Я – во французском приходе, вы – в России, а мы все-таки – одно. И тут уже ставится вопрос о побратимстве, то есть об обменах, о встречах, о связях между приходами в церковной жизни. – О.Борис, я получил недавно письмо от митрополита Антония Сурожского. Он пишет то же, что и я чувствую, – что мы жили в известный период эмиграции на духовном подъеме. Это те времена, которые вы описывали, говоря о Сергиевском подворье. Я боюсь, что этот духовный подъем теперь спал, волна сейчас, скорее, вниз. Я смотрю на православную молодежь в Америке, и у нас такое чувство, что сейчас мы ждем духовного подъема из

России. О. Борис: Я с Вами в какой-то степени согласен. Но это, может быть, боль русской эмиграции как таковой. Она сейчас находится на каком-то естественном социологическом спаде, и тут ничего не поделаешь. Кто из молодых священников теперь согласен работать для престарелых русских приходов, когда столько нужд у всей этой молодежи? С другой стороны, например, в начале ноября состоится большой конгресс, большой съезд православной молодежи, не только молодежи, но Православия Западной Европы, – в Амьене, на севере Франции. Предполагают приехать более 1000 человек. Надеюсь, будет и митрополит Антоний Сурожский, а также многие другие. Это событие – как фейерверк, большая радость. Растет не просто западное Православие – растет Православие. И особенно мы ждем на это собрание представителей из России, так что в этом смысле сейчас замыкается круг, в котором сливается Россия и Запад, происходит что-то встречающее, общее собрание сил. Тема этого собрания – «Православие и история». И несомненно, сейчас история нас подводит к каким-то новым выводам, о которых мы и не гадали, и не мечтали несколько лет назад, к каким-то, может быть, апокалиптическим ситуациям. – У меня есть вопрос к гостям из России, касающийся приходской жизни. Мы, к сожалению, были там очень короткое время, и поэтому у меня не создалось ясного впечатления. Но все время, пока церковь патриаршия была абсолютно связана законодательством и т. д., у меня было такое впечатление, что священник в общем страшно зависел от прихода, от двадчатки, от их решений, от того, находился ли там какой-нибудь человек, который командовал, и т. д. И приходская жизнь с этой точки зрения как-то противостояла всегда его религиозным обязанностям или что-то в этом духе. У вас было такое впечатление? – Они зависели не столько от прихода, сколько от уполномоченного. – Да, и от двадчатки – в том смысле, в каком она была не истинной представительницей прихожан, а согласована с уполномоченным. – Это зависело во многом от личности самого священника, потому что были священники в провинции, которых двадчатки слушались. Я знаю таких, несмотря на давление, у них была сила присутствия. Но вообще, конечно, законодательство не разрешало им вести приходскую жизнь. О. Борис: Они были наемные. – Они были наемные. Они были как бы по договору. Приход их как бы нанял на работу. То есть в любой момент договор можно было расторгнуть, и священник оставался без прихода. Не священник организовывал приход, а приход как бы нанимал себе священника. Поэтому, конечно, он был связан. Но, с другой стороны, те, кто действительно хотел, умудрялись вести приходскую жизнь. О. Борис: Но мне кажется, что идеал соборной жизни прихода по духу и по уставу Московского собора еще является сейчас более желаемым, чем действительным. – То есть как бы утопичным, вы имеете в виду? – Нет, не утопичным, а желаемым. Утопия – это не реальное, а желаемое – когда нужно много трудиться, чтобы до этого дорасти и дожить. – Сейчас, конечно, препятствий формальных меньше, чем раньше. Но есть еще страх у некоторой части духовенства, которая пока не освободилась от гнета, психологии страха и законопослушности. – А можно спросить? Вот, вы упомянули о. Тавриона. Расскажите немножко про него, как он смог создать то, что он создал, и как это теперь идет? – Он был благочинным в пустыньке недалеко от Риги. Незабываем один из последних моих приездов, когда я вошла в храм, полный народа, и вдруг он расступился, и прошел о. Таврион. Понимаете, прошел ангел. С невероятной силой он шел на амвон, поднялся и сверкнул глазами так больно – и остро, и очень добро одновременно. Тут же благословил, и началась служба. О. Таврион все службы сопровождал проповедями. Это было не только после евангелия на литургии, это было и вечером. И эти проповеди всегда слушали, затаив дыхание. – Он пострадал, в свое время сидел... – Да. Мальчиком убежал из – дома, убежал в монастырь, очень жаждал монастыря. Сначала он подвизался в Глинской пустыни, потом его посадили. И вот в своей пустыньке под Ригой на одной из проповедей он говорил о том, что ближе всего он был к Богу, когда его приковали к тачке. О. Борис: Я очень рад, что заговорили о проповедях, потому что я об этом не упомянул и чувствую, что напрасно. Поэтому я прошу извинить меня. Действительно, можно сказать, что одно из характерных новшеств, если это можно назвать новшеством, в нашей церковной жизни за эти 20–30 последних лет – это возрождение церковной проповеди. Это мы видим и в России. Упрекали православие дореволюционное и

наше традиционное русское православие до второй мировой войны, что тогда плохо проповедовали, и если так – лучше не проповедовать. Нам внушили в богословском институте уже тогда, что проповедь – неотъемлемая часть литургического делания и евхаристического таинства. Проповедь не есть что-то вторичное, она принадлежит к самой структуре и к самому богословию Евхаристии и литургии. – Я хочу именно в этот момент сказать, что о.Таврион добавлял еще зрительную проповедь. Он всегда, какая бы служба ни была – богородичная, апостольская, святительская, то есть какого бы цвета ни были облачения, в момент евхаристического канона всегда облачался в красное, и, вы знаете, это очень настораживало всех людей и как-то приковывало к тому, что происходит в данный момент на службе. И вообще он, конечно, был удивительный. – Но я хочу сказать, как это удалось. Он ничего не создавал, он был, вот он просто был там, и к нему стекались люди. Он там был, по-моему, лет 12. Сам он не оттуда – его назначили, как это в России бывает. Там было около 10 монахинь, очень немного, да? Но летом приезжали люди толпами. Они всех принимали, они всех селили. – За одно лето – 300 человек. – Они всех кормили, люди там жили, брали какое-нибудь послушание – кто ходил по грибы, кто какие-то работы выполнял, кто истопником работал. Так что он ничего не создавал, он там был. А люди к нему приезжали. – Простите, пожалуйста, О.Борис, мы немножко увлеклись, может быть, пора заканчивать нашу беседу? О.Борис: Давайте закончим

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Письмо к церковному старосте

Церковная жизнь

Постараюсь ответить на Ваши вопросы. Чувствуется, что они заданы от сердца.

1. В русском языке, обращение на «ты» – простое, и одновременно торжественное. «Вы» – знак обычной вежливости, уважения. Братьям мы говорим «ты» – в силу простоты родственной, а Богу и св. угодникам Его говорим «Ты» в силу той торжественной простоты, которая выше всякого уважения. И, в торжественных случаях, когда особенно хотим выразить свое высокое чувство близости к человеку, говорим ему «ты». После рукоположения в сан священника, архиерей, говоря новому пастырю поучение, обращается к нему на «ты». К архиерею, посещающему храм, обращаются священники с приветствием на «ты»... Здесь дело в верном чувстве и понимании языка... 2. В отношении титулов иерархических, мне кажется, чем проще, тем лучше; но и к титулу, отмечающему известный сан и служение, надо отнестись тоже с простотой. Только к Богу могут относиться такие именованья, как «Отец», «Владыка», «Святейший», если их взять в абсолюте. Но можно, не изменяя истине Господней, именовать в Боге, во Христе Иисусе, отцом, и своего земного отца, и духовного. Апостол говорит: «...преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Ефес.3:14-15). Не только «отечество», конечно, но и всякое «владычество», и «святейшество»... Всякая честь в Церкви возводится ко Главе Церкви, Господу Иисусу Христу. Почитая члены Его Тела, почитаем мы все Тело Его Церкви. Таково православное воззрение. Его многие не понимают, боясь назвать священника «отцом», понимая Евангелие не по живящему духу, а по мертвящей букве: Мф.23:9. Если это слово Господа понять по букве, то мы тогда и своих земных отцов не имеем право называть «отцами»! Но Господь велел: «чти отца твоего и мать твою», и мы не грешим, называя, как своих физических отцов, так и духовных, «отцами»; только надо всегда всем верить и знать, что

Отец всех «отцов» – Единый Истинный Отец всех – Господь Бог. Претыкаться о слова, это не дело духовной мудрости. Но люди, у которых ум не развит и дух не очищен, претыкаются о формы и о слова Церкви и Священного Писания... И, молясь, человек может ушибить себе голову; но молитва тут не будет виновата. Люди, хвалящиеся «духовным» пониманием св. Писания, часто именно «плотски» понимают его... Если мы именуем Предстоятеля целой Церкви Поместной «Его блаженством» или «Его святейшеством», то этим мы, в сущности, ничего не делаем более, как повторяем слова апостолов: 1 Петр. 1:15; 1 Кор. 7:14; Ефес. 1:4. Патриархам этим все время напоминает, чтобы они были святы в делах своих, и архиереям, чтобы они были освященными в своих делах, и «владыками» над своими страстями (а не рабами их!). Пастырям напоминает, чтобы они были истинными отцами, а не властителями наследия Божия и не наемниками... 3. В отношении наименования Папы Римского «Наместником Христа», грех не в том, что его так именуют, а в том, что его считают, и он сам себя считает, единственным «наместником» Господа на земле, в то время как всякий христианин, делающий правду Божию, проводящий, исполняющий волю Христову в мире, и, тем более, пастырь, благовествующий Слово Божие, силой Христовой отпускающий грехи кающимся людям, свершающий Евхаристию – есть истинный «наместник» Господа. Мы, христиане и пастыри, даже более, чем «наместники», мы – живые члены Тела Христова. В римо-католичестве неверно думают, что есть только один «наместник» – в Риме, и не может быть иных в св. Церкви. Здесь кроется ошибка Рима, пытающегося сочетать церковный дух с государственным, имперским. Мы, православные, братьев римо-католиков уважаем, как братьев во Христе, и чтим их иерархию апостольскую, но верим твердо, что Господь Иисус Христос Сам правит Своею Церковью в мире, так как Он не ушел с земли, даже когда вознесся на небо и скрылся с глаз Своих учеников. Господь, в Духе Своем Святом, пребывает в мире и сейчас так же близко к нам, как во времена своего хождения по земле: «Я с вами во все дни до скончания века. Аминь». (Мф. 28:20). Мы не можем также признать Патриарха Римского светским государем. Кесарское царство Господь не велел смешивать с Божьим. 4. Вам не ясно, как это «домашние», ближние, которые нас любят и которых нам надо любить, могут быть «врагами» нам... Очень часто так именно бывает. Когда любят нас только по плоти, а не по духу. Отец св. великомученицы Варвары мучил ее за то, что она любила Господа Иисуса Христа более, чем его... И – сколько отцов и матерей в мире так мучили своих детей! И сколько детей терзали своих родителей за то, что вместо баловства родители указывали своим детям путь святой правды Божией в мире. Жена Иова хотела, чтобы ее муж, страдалец Иов, «похулил Бога», в ответ на свои страдания. Самый худший демон не мог дать более вражеского совета. Иов это понял и ответил жене, самому близкому человеку: «ты говоришь, как одна из безумных». Иов понимал, что от Бога все надо принимать, – и радостное и горькое, и что в этом вера в Бога. А жена его душу чуть было не погубила, так как любила мужа не в истине Божьей. Но Иов любил Бога более, чем жену, то есть любил жену в истине, а не слепо, и потому тотчас распознал, что она сделалась его врагом (сама того не понимая)... Мать слепой любовью своей иногда губит своего ребенка, потакая его порочным наклонностям... Да, чисто плотская, эгоистическая любовь – слепа, и идет часто против Бога, губя близких своих... Об этом предупредил людей Господь Иисус Христос. Без мудрости духовной, даже такое чувство, как любовь, может стать гибельным, быть выражением не высшей жизни в человеке, а его низких страстей, к коим легко примешивается дьявол... И это мы видим в окружающем мире. 5. О монастырском «отсечении воли» скажу, что это надо понимать не как убийство воли, а как ее исправление, исцеление. Если молодое тонкое деревце привязывают к палке, то это не для того, чтобы помешать его росту, но чтобы помочь. Так и воля родителей, воспитателей, пастырей призвана воспитать, родить добрую волю в людях, руководить волей их до какого-то срока. Так же и в настоящем монастыре, воля старца хочет «выпрямить» кривую волю послушника, укоренить ее в небесных ценностях, отрешить от суеты, эгоизма, самости. Это – глубоко воспитательное дело, если ведется разумно и опытным руководителем. В послушании монашеском (как и вообще, христианском) надежда бывает не на человека, а на Господа; это –

акт веры; и, по мере веры, дается светлая воля послушнику. «Отсечение своей воли» аскетически не означает «убийства своей воли», но – отказ от самоволия и эгоистических мотивов. Оттого послушание так высоко ценится в духовной жизни, и Господь Иисус Христос явил пример высшего и совершенного послушания Отцу. Иному грешнику кажется, что он действует в мире по своей воле. А на самом деле его лучшая, настоящая-то воля лежит связанная и придавленная в подвале его души, а действуют в человеке его страсти, т. е. греховные волевые навыки и склонности. Человек страдает от своих греховных страстей, страдает от них его настоящая, светлая воля, его совесть. Но часто, в виду омраченности человека, греховные его стремления кажутся ему проявлениями его воли. Так демоны мучают человека, его руками убивая ближних его, а потом его самого... Разве это воля самого человека? Редко кто так уже уподобится диаволу, что будет подобное ему зло совершать в упоении сердца... Обычно, страсти, вспыхнув быстро, демонически, влекут людей на беззакония, а потом, даже сейчас же, человек уже жалеет о том, что безрассудно совершил, и плачет и кается, или отчаивается... Надо понять, что воля человеческая больна, расслаблена, связана эгоизмом, потемнена, омрачается демонами, и ее надо лечить послушанием – Слову Божию, Церкви, с помощью опытных и верных Богу людей. Тут и область доброго пастырства, которым воля людей не убивается, но, наоборот, воскрешается, спасается, -находит высшую свою жизнь: Бога (и в Боге – все и всех). Кто поймет это, поймет и смысл монашеского послушания старцу. Старец привязывает волю послушника не к себе, а к Богу. В этом цель монашеского (и вообще христианского) послушания.

6. Вы спрашиваете о молитве, которая читается в вашем храме, и где упоминается «Святая Русь»... Я в точности не знаю, какая это именно молитва, мы таковой тут не читаем, но я думаю, что это одна из тех молитв, которые читались во время литургии в церквях русских в Западной Европе, и в которой выражалось прошение к Богу о даровании русскому народу святого направления жизни, святых идеалов. Я думаю, так и надо понимать молитву, читаемую у вас. Русский народ не святее, конечно, а, может быть, и наверно даже грешнее других народов (Господь это Один ведает), но русским людям, если они хотят быть покаянными, православными, надо считать себя наигрешнейшими (" ...от них же первый семь аз")... Так и каждый народ, просвещенный о Христе, должен себя считать. Но истина еще и в том, что идеалом, целью истории русского народа было некое видение Небесного Иерусалима, Земли, «на которой правда живет». Это привила русскому народу Православная Церковь. И Достоевский правильно сказал, что русский человек, даже на последней ступени своего падения, не теряет чувства святости, т. е. того, что он гадок и мерзок, и что есть высший Свет Божий, есть Святость над миром. Не для гордости, конечно, или самопохваления (нечем хвалиться!), но для того, чтобы опомнились русские люди, полезно им напоминать, что сокровище их на небесах, и цель народной жизни лежит в христианских целях, несмотря на все грехи, все измены русских людей этим целям... Церковь допускает, наряду с личными и общецерковными, еще и молитвы, как бы от лица народа... Но молитвы эти никогда не должны носить характера «политического», т. е. через молитву нельзя пропагандировать никаких земных идей. И, может быть, более смиренно и покаянно сейчас, для русских людей зарубежья, молиться не о восстановлении «Святой Руси» (которой реально ведь никогда и не было в истории, – была лишь эта идея в народе), а лучше просить сейчас Господа о прощении беззаконий и грехов наших и всего народа русского. Ведь «прощение грехов», значит – и великое благословение душам человеческим.

7. Вы спрашиваете, почему за Св. Евхаристией «протяжно возвеличивается» епископат Церкви? Потому, что молясь за епископа, молимся за всю Церковь, т. е. по слову св. Киприана Карфагенского «Церковь во епископе и епископ в Церкви». Это поминание не есть «возвеличивание», а молитва Церкви за того, чья молитва идет за всю Церковь и особенно приемлется Богом в этот литургический момент. Если бы не эта молитва, то связь епископа с Церковью была бы лишь чисто внешняя, административная (а это – второстепенное дело). Конечно, не надо умножать титулы, и поминать следует лишь своего правящего епископа и митрополита области. И никакого «отсутствия скромности» тут нет, и «затемнять» Св. Евхаристию молитва за епископа не может по той простой причине, что

Евхаристия именно связана, в духовном существе своем, со всем Телом Св. Церкви, с молитвою за всю Церковь, которую таинственно представляет епископ (шлю Вам книжку мою «Тайна Церкви». Надеюсь, из нее Вам будет понятна моя мысль). В старое на Руси время, епископы были (стараниями государства, отчасти), в бытовом отношении, отделены от народа, и даже правящего общества, как бы «закованы в почет». И их было мало, слишком мало в России (на каждого приходилось по миллиону верующих, если не больше). Это был дефект, вследствие которого, а также в силу других причин, русский народ, в целом, и отошел от руководства церковного и живой веры в Господа Иисуса Христа, пребывающего в Своей Церкви... Мы, архипастыри и пастыри, более всех, конечно, ответственны пред Богом за то, что народ наш оказался захвачен антирелигиозниками.

8. Для лучшего познания монастырей и монашества, Вам надо ознакомиться с тем, что пишет о христианском безбрачии апостол Павел. Вам тогда уяснится, что брак нельзя противопоставлять и противопоставлять монашескому состоянию безбрачия. Плохой брак можно противопоставлять – хорошему, и монашество истинное – ложному монашеству, но не брак – безбрачию. Все благословенно, что во Христе и «что кому дано» от Бога. Одним дано иметь одно дарование от Бога, другим – другое. И Церковь не велит осуждать, ни брака христианского, ни иночества. Не надо впадать в противопоставление этих двух законных и благословенных в Боге состояний. В жизни бывает и лицемерное монашество (не от любви к Богу), и браки лицемерные... Надо поднимать духовный уровень как брака христианского, так и иночества, образ коему ведь дал Сам Господь Иисус Христос (и Его Предтеча, «наибольший из рожденных женами»). Вот в чем дело, и где путь. Дело не в форме пути земного, а чтобы люди несли этот путь во Имя Господа, в чистоте, смирении и служении (по возможности духом неразвлекаемым) Господу, ожидая пришествия Его. В истории были периоды духовного расцвета монашества и периоды его упадка. Крест всюду встречает человека, на всех путях сей земли, если человек хочет жить во Христе Иисусе. Представлять же монашескую жизнь легкой (как в санатории), это – не знать монашества. И, может быть, Вам дано было тысячекратно в жизни спастись, и быть старостой церковным – оттого, что где-то за род человеческий и за Вас молится какой-то отшельник...

9. Вы размышляете о неверном, нехристианском «классовом» отношении к ближнему. Подлинные христиане относились (и в наши дни относятся) к ближнему своему без всяких классовых и расовых предрассудков, без гордости, тщеславия, без зависти, злопамятства... А грешники нераскаянные любят презирать, унижать и эксплуатировать, как праведников, так и других грешников, таких же, как они, и даже родных своих часто хотят использовать своекорыстно... Это было и продолжается в мире, ибо «мир во зле лежит», по слову Господа. Этот мир должен исчезнуть, и наступит новая жизнь в будущем. Придет Царство Господне, которого все ожидаем, о пришествии которого молимся во всех концах земли. Прочтите стихи 10-17 последней главы Откровения Иоанна Богослова. Здесь обнажен корень вещей.

10. Советский фильм «41-й» я не видел, а лишь читал о нем. Конечно, это произведение антибожеское. И сколько таких произведений в мире, где вместо Творца и Его заповедей восхваляются и обоготворяются антихристианские идеи партии, или другого ложного «божества», коему надо в жертву приносить и свою жизнь, и жизнь ближнего... Не думаете ли вы, однако, что такой фильм может вызвать у христианина следующее размышление: безбожие, подражающее религии, требует всю душу человека, и ведет к ненависти и убийству, – неужели мы не можем отдать целиком нашу душу Господу, Который ведет нас в Царство вечной Своей Любви?! Так и антибожеский фильм может вызвать покаяние у души, ищущей правду... Пропаганда часто действует обратно тому, что хочет. Конечно, надо обличать книги и фильмы с «диавольской подкладкой». Но еще более нужное дело – влечь людей к Свету Христову, насаждать в сердцах живую веру, открывать сердцам правду Божию, чтобы сами сердца смогли всегда отличать правое от левого, Божие от лукавого. (В меру своих сил, и по «Голосу Америки», я стараюсь в этом помогать русским людям, слушающим меня). В виду Вами выраженного доверия моим словам, позвольте еще Вам посоветовать – не огорчаться и не обижаться на неразумные слова, в которых чувствуется пренебрежение к простым людям... Умный человек, – тем более

верующий в Господа, - никогда такого пренебрежения не только не выскажет, но даже и иметь не будет. Слово Божие против этого предостерегает. Но, если более сильному и богатому Господь запрещает обижать или унижать бедного и слабого, то бедному и простому Господь заповедует не обижаться на гордецов, исчезающих, как трава. Всем надо осознавать себя чадами Божьими, и считать это состояние духовное самым великим званием мира (а всякое земное звание считать временным и ничтожным). В этом чувстве должны единиться все верующие люди. Это чувство надо высоко поднять над всеми земными, социальными делениями. Бедные не гарантированы от зла, в силу своей бедности, и не исключен из праведности никто, в силу только своей материальной обеспеченности. Дело нужное и христианское - выводить душу человека за пределы национальности, материального уровня, класса или расы. Если другие это не всегда делают, будем мы это всегда делать... А за слепых, губящих себя тщеславием своим, перекрестимся и скажем: «Господи, прости»...

М.С.Д.: Верный в малом и во многом верен...

Дневники, письма, воспоминания

На второй день праздника Рождества Христова 1981 г. тихо скончалась монахиня Павлина (в миру Пелагея Сидорцева, род. в 1896 или 1897 г.), одна из подвижниц Шамординского монастыря, «дочернего» по отношению к знаменитой прежде Оптиной пустыни.

Большую часть своей жизни она, по понятным причинам, провела вне монастырских стен. Не минули ее, как и многих, ни тюрьма, ни ссылка, ни тяжкое житье-бытье в миру - может быть, особенно тяжкое, так как жила она в Козельске, сравнительно недалеко от своего поруганного, разоренного и утраченного, казалось бы, навеки монастыря. Но оказалось, что «монастырь» (как синоним современного христианства) был у нее внутри. И поэтому она смогла исполнить и даже преисполнить свои монашеские обеты через избыток сердца. И значит, стать примером не только для сестер вновь открывшейся Шамординской обители, но и для многих из нас. Ниже мы помещаем отрывок из воспоминаний о матери Павлине и о людях, которые ее окружали, другой шамординской монахини (М.С. Добро... [неразб. в рукописи], 1900 - 1986 гг.). В этом отрывке достаточно полно описано благочестие, которое особенно любимо в народе и которое связывает нас с традициями предшествующих веков. И хотя Церковь знает множество даров и служений, это служение, этот дар остается наиболее живым, наиболее распространенным и в наше время. XX в. дал новые типы аскетов и подвижников, но они еще не признаны Церковью как общезначимые. Покойная монахиня Павлина, будучи в монастыре, а затем - в Козельске, в молодости своей слегка как бы юродствовала. Иногда кривлялась, делая какие-то нелепые движения, говорила не своим, не натуральным голосом и т. д. Над нею смеялись и, в отличие от других, носящих то же имя, называли ее «Поля блажия». Любила она еще «поучать», т. е. произносить наставления, как себя надо вести, как надо жить по-монашески и т. д. Наставления эти брались ею из прочитанных святоотеческих книг. А читать она любила и обладала очень хорошей памятью. В связи с этими «поучениями» над нею иногда некоторые из сестер тоже беззлобно посмеивались. Но она не обижалась. И ее голос (она немного картавила) можно было услышать там, где собиралось хотя бы несколько сестер. Возможно поэтому ее духовный отец, батюшка Никон (Беляев), в шутку называл ее «Поля Скворцова» вместо «Поля Сидорцева». На свою внешность она не обращала никакого внимания. Из-под грязного, частенько сдвинутого набок платка почти всегда свисали на лоб грязные, давно нечесанные волосы. Одежда тоже была грязная и часто разорванная. Конечно, умела она и прясть, и ткать, и шить, но, будучи в монастыре, не изъявляла желания поучиться

другому виду рукоделия или другому мастерству. Ведь в Шамордине было несколько мастерских: ткацкая, швейная, золотошвейная, ковровая, сапожная, иконописная, переплетная и другие. Сестра Поля была равнодушна ко всему, тогда как большинство сестер, вступивших в монастырь, стремились получить ту или иную специальность. Возможно, что еще в юности, подсознательно, она избрала для себя иной путь ко спасению – выполнять самую тяжелую, грязную, физическую работу, которая никого не прельщала. Такой она осталась и до старости – в смысле работы. Но юродствовать с возрастом прекратила и одевалась опрятнее. Покойную м.Павлину, без тени сомнения, можно и должно считать одной из подвижниц нашего времени. И это мнение о ней высказывали еще при жизни многие из ее почитателей. При воспоминании о ней некоторые духовные лица говорили: «Матушка Павлина – вот это настоящая монахиня!». Свои монашеские обеты она до конца дней своих старалась выполнять по мере сил своих, конечно, в зависимости от времени, состояния здоровья и создавшихся условий. Хотя условия для этого в последнее время были вполне удовлетворительны. Уединенный домик в саду на тихой непроезжей улице напоминал скорее скит, затерянный где-то в глуши, а не городское жилище. С улицы, заросшей травой, он не был виден совсем. Открыв дощатую калитку в ветхом заборе, можно было увидеть на пригорке, окруженном яблонями, маленький, в три окна, домик. И такой тишиной, миром, безмятежием веяло от всей этой картины! М.Павлина за всю свою жизнь никогда не работала ни одного дня нигде, ни в каком учреждении. «Если ты монахиня, то ты должна жить или одна, или в сообществе монахинь», – как бы говорила она самой себе. Питалась она трудами рук своих, как говорилось выше. Живя в этом домике, продавала на базаре излишки плодов и овощей с огорода и сада. Посты соблюдала строго по Уставу Церкви всю жизнь до старости и только во время своей предсмертной болезни, когда желудок отказался принимать грубую пищу, несмотря на Рождественский пост, разрешила себе молоко. В отношении качества пищи была на редкость неразборчива и неприсотлива. Совсем черствый, даже слегка плесневелый хлеб, прокисший суп или каша, испорченная, с «душком» рыба – ей все было вкусно, все хорошо, все употребляла с неменьшим аппетитом. Однажды навестила ее одна знакомая старушка. Сели обедать. Попробовав селедку, гостя имела неосторожность сказать: «Селедка с тухлинкой...». М.Павлина посмотрела на нее строго и произнесла: «Я еще и не такую тухлую ела!». Вставала утром с постели всегда очень рано и всегда в одни и те же часы. Совершала свое монашеское молитвенное правило неопустительно до самой глубокой старости. Только когда начала слабеть, читала положенные молитвы уже сидя, а иногда и ложилась ненадолго. Опять вставала и продолжала чтение. От слабости часто засыпала даже сидя. И только незадолго до смерти вынуждена была совсем оставить чтение молитв по книге. За собой, за своей внутренней жизнью, следила строго, была внимательна к себе, к своим помышлениям, словам и поступкам. Разбирать и обсуждать поступки или слова других людей боялась больше всего, и если говорила что, то кратко и вскользь, как бы между прочим. А «поучать» по-прежнему любила и словесно, и письменно. Но теперь, в наше время, время «глада слышания слова Божия», над ее стремлением «поучать» уже не посмеивались, как прежде, в дни юности. Наоборот, внимательно, настороженно слушали, стараясь вникнуть в смысл и запомнить. А говорить она умела. Память у нее была прекрасная. Цитаты из святоотеческих книг произносила почти буквально. Хорошо запомнила высказывания своего дорогого, приснопамятного духовного отца Никона (Беляева) и слова не так давно почившего архиепископа Ермогена, которого она глубоко почитала и почти до самой его блаженной кончины переписывалась с ним. В Шамордине настоятелем церкви был протоиерей О.Николай. Но подавляющее большинство монахинь, за исключением немногих, предпочитали исповедовать свои грехи перед иеромонахом. Поэтому несколько раз в год, в основном во время постов, из Оптиной пустыни приезжали для исповеди иеромонахи. Приезжали они и по просьбе к тяжелобольным монахиням. В последние годы существования монастырей духовниками в Шамордине были старец О.Анатолий (Потапов) и о.Пиор, скитский иеромонах. Матушка Павлина, тогда еще сестра Поля, всегда исповедовалась у О.Анатолія. А когда он в 1922 г. скончался, перешла под духовное руководство к о.Никону (Беляеву) и была его

преданной дочерью духовной вплоть до его ссылки в 1927 г. По складу своего характера она была «домосед». Не любила куда-либо ездить, даже по святым местам, поклониться мощам прославленных угодников Божиих. Даже когда еще существовали монастыри и еще не была закрыта Оптиная пустынь, даже там, у старцев, бывала редко. О. Никон Оптинский однажды, во время беседы со своими духовными дочерьми, сказал такие слова: «Важность – в христианстве, а не в монашестве. Монашество в той степени важно, в которой оно приводит к совершенному христианству...». Монах в основном должен быть христианином, т. е. исполнителем заповедей Божиих. Кроме того, в отличие от мирских, монах дает обет девства и нестяжания. Монашество – это совершенное христианство. К монахам и относятся слова Иисуса Христа: «Могий вместити, да вместит...». М.Павлина глубоко уважала матушку Амвросию, несмотря на то, что м.Амвросия не была строгой исполнительницей монашеского устава, т. е. внешнего благочестия. Некоторых монахинь это отталкивало от нее. А м.Павлину, возможно, даже подсознательно, влекло к м.Амвросии как к истинной исполнительнице заветов Христа, и она преклонялась пред нею и считала за счастье жить с нею под одной кровлей. Но по неведомым судьбам Божиим им мало пришлось пожить вместе. М.Амвросия по специальности была врач, получившая по тому времени высшее медицинское образование. Она и посвятила всю свою жизнь лечению больных. М.Павлина, с юных лет наблюдавшая ее подвижническую жизнь, возревновала подражать ей. Но, не имея никакого образования, лечить она, конечно, не могла. Тогда она взяла на себя подвиг ухаживать за тяжело больными и престарелыми монахинями, требующими ухода. И этот подвиг был взят ею добровольно: никто не заставлял ее, никто не мог приказать. И никто не мог вознаградить за труды материально. Господь невидимо, через духовных отцов ее, благословлял ее на этот подвиг. Схимонахиню Аполлинарию, пробывшую у нее на попечении пять месяцев, сменила старенькая, немощная схимонахиня Алипия. Она прожила у м.Павлины несколько лет. После смерти м.Алипии жили у нее еще две монахини – м.Олимпиада и м.Досифея. Хотя они и были, как говорится, еще в силах, но во время их предсмертной болезни вся тяжесть ухода легла на м.Павлину. Итак, их было четверо, не считая бабушки и матери, ухаживать за которыми есть долг каждого христианина. И не только христианина. В итоге – почти вся жизнь! И все – безвозмездно. Сам Господь во Царствии Своем воздаст ей воздаянием неизглаголаным. Девство и нестяжание! Две великие монашеские добродетели! Покойная м.Павлина была истинной девственницей в полном значении этого слова до конца дней своих. Характер у нее был строгий, можно даже сказать несколько суровый, и всяких нежностей в обращении с другими, тем более дружеских привязанностей и пристрастий, не допускала никогда за всю свою жизнь. Нестяжательность у нее была полная. Никогда не обременяла она себя лишними вещами, ни одеждой, ни мебелью, ничем другим. Довольствовалась малым, что Господь пошлет. Убранство ее жилища от юности до последних дней было поистине нищенское. Не было ни одной ценной вещи, одна рухлядь никому не нужная. Даже иконы были только бумажные, не имеющие никакой материальной ценности. Да и те были выцветшие и пожелтевшие от времени. А у нее была полная возможность украсить свою хижину иконами хорошего письма, в окладах и киотах. Все жившие у нее монахини имели иконы, но после их смерти она не оставляла у себя ни одной, все раздавала. Также и книги не долго держала у себя. Часто бывало так: подарит кто-то ей книгу святоотеческую, она прочитает ее не спеша и опять так же, как иконы, кому-нибудь предложит. Еще в 60-х годах м.Павлина познакомилась со всеми почитаемым бывшим Калужским архиепископом Ермогеном и почти до самой его блаженной кончины в 1978 г. переписывалась с ним. Кроме того, считая своим христианским долгом оказывать ему материальную помощь, все эти годы, с 1966 по 1976 г., посылала и от себя лично и совместно с другими его почитательницами деньги и посылки. Его письма она бережно хранила до самой своей смерти и благодарила Бога за то, что Он сподобил ее послужить по силам такому светильнику Церкви нашей, находящемуся в изгнании. А когда он скончался, ей прислали на память о почившем рясу его. Рясу эту она надевала в дни причащения Св. Христовых Тайн, а когда заболела и слегла совсем, то и не снимала ее. В рясе владыки Ермогена ее и в гроб положили. Последние годы своей жизни

м.Павлина пользовалась большим уважением и почитанием не только среди местных монашествующих, духовенства и мирян благочестивых, но и во многих городах и селах страны ее знали как истинную монахиню, строгую исполнительницу заветов Христовых. Почитали ее, просили в письмах святых молитв ее и не забывали оказывать ей материальную поддержку. Из Ленинграда и Москвы, Гомеля и Смоленска, Тулы и Куйбышева и даже из далекого Ташкента получала она преимущественно к праздникам письма, деньги, посылки. Были и такие высокие духовные лица, которые ежемесячно присылали ей немалую сумму денег. Поэтому она ни в чем не нуждалась и не только не нуждалась, но даже имела полную возможность оказывать и со своей стороны помощь нуждающимся, иногда сама лично, но чаще через других. Однажды к м.Павлине пришла старушка, с которой она была хорошо знакома в молодости своей. Много лет прошло с тех пор, как они видели друг друга. Вспоминали прошедшее, давно минувшее. Вспоминали дорогую Оптину, старцев, своего духовного отца, незабываемого о.Никона. Вспоминали матушку Амвросию. Помолчав некоторое время, как бы погрузившись в воспоминания, м.Павлина вдруг сказала: «Я скоро умру и увижу там батюшку Никона и матушку Амвросию...». Слова эти были сказаны ею задумчиво и в то же время уверенно, твердо. Да иначе не может и быть. Сама она как истинная монахиня до конца дней своих свято хранила данные ею обеты при пострижении, по силе стараясь ни в чем, даже в малом, не отступать, памятуя слова Господа нашего Иисуса Христа: «Верный в малом и во многом верен...» (Лк:16,10) Она до конца дней своих доблестно донесла свое монашеское знамя! И есть основания надеяться, что она и будет предстоять Господу Богу в лике преподобных Его. И среди них будет лицезреть дорогих, незабываемых отцов и матерей, братьев и сестер. И «увидит батюшку Никона и матушку Амвросию»... Возможно, что еще задолго до смерти м.Павлина удостоилась благодатного утешения от Господа – уверенности в своем спасении, в своей благополучной будущей жизни. Это благодатное утешение дается Свыше после искреннего, сердечного покаяния, орошаемого слезами и скорбью сердечной. Одним это благодатное утешение дается задолго до смерти, и страх смертный не терзает их. Другим – перед смертью. А некоторым – даже в последний час, смертный час... Многотрудное тело м.Павлины похоронили вблизи оптинских отцов – иеросхимонаха Милетия и иеромонаха Рафаила, рядом с шамординской монахиней Анной, тоже подвижницей нашего времени, не менее почитаемой всеми. Они близки были друг с другом духовно в жизни, близко, рядом и в земле сырой лежат до общего всех воскресения. 26 августа 1981 г.

Татьяна Тимофеева: Стихи

Поэзия

Подборка из семи стихотворений – вторая встреча нашего журнала с Татьяной Тимофеевой (первую см. в «ПО», 1991 г., № 3). Татьяна по-прежнему живет во Владимире и, как и раньше, по-особому соприкасается с его древней церковной красотой: она- хранительница Дмитровского, XII в., собора (пока еще музея).

В этой публикации, как и в первой, можно проследить духовный путь автора от стихов ранних (1976 г.) до сравнительно недавних. Здесь тоже видно «вызревание» веры (чему способствовало очень многое – красота природы, поэзия, любовь, тяжелая болезнь и, наконец, встреча со сверстниками-христианами, для которых все перечисленное неожиданно оказалось не чуждым), ее яркое и тихое, одновременно, обретение. А. Копировский

Вот выпал снег.И мир облагорожен.И мой естествен смех,а не нарошен.Прощаю всех,кто мне хоть чем-то должен.И кто не должен – тожепрощаю тех.Снег выпадал и таяли выдал столько тайн!И вот он осознал,что он необычаен,что вовсе не случаен.И таять престал.

